

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Центральное Статистическое Управление
Казакской АССР Республики.

В. А. Соколовский.

КАЗАКСКИЙ АУЛ

К вопросу о методах его изучения государственной статистикой на основе решений V-й Всеказакской Партоконференции и 2-го Пленума Казкрайкома ВКП (б).

С 17-ю специальными приложениями, иллюстрирующими основные особенности казакского аула.
(Отпечатаны на «стеклографе» КазЦСУ).

Предисловие У. Джандосова.

ТАШКЕНТ,

1926

Вместо предисловия.

Во всех областях советского строительства в Казакстане завершается известная историческая полоса. Это—полоса организационно-политического сформирования Казакстана в национально-советскую республику. Мы вплотную подошли теперь к задачам социалистического преобразования аула, имея в виду не только переустройство его хозяйства на основе повышения техники и коллективизации, но и культурно-политическую и идеологическую революцию в нем. Общественная мысль начинает работать именно над вопросами аула.

Не случайно и не по-любительски, а всерьез и по целовому партийно-советской общественности в Казакстане ставит перед собой задачу определения конкретных путей и перспектив хозяйственного развития аула, задачу определения форм и методов социалистического воздействия на аул.

Абсолютно необходимым и основным условием для правильного решения этой задачи является марксистское изучение и анализ социально-экономической сущности современного аула или—то, что мы обычно называем—учет особенностей конкретной обстановки. Материалы прежних обследований и имеющаяся литература не дают достаточных знаний об ауле, об особенностях конкретной обстановки в нем. Поэтому требуется организация новых (массовых и выборочных) статистических наблюдений, новых исследований аула.

Решающая роль в деле накопления новых и исчерпывающих знаний об ауле должна принадлежать Казакскому Ц.С.У. и его местным органам. Надо с удовлетворением отметить, что К.Ц.С.У. уже проделало огромную работу в области установки всех программных и методологических вопросов статистических исследований аула. Важнейшим достижением ЦСУ является то, что оно приспособливает содержание, методы и технику всех будущих статистических работ в ауле к конкретным условиям этого аула в той необходимой мере, которая дается накопленными знаниями об ауле и которая безусловно обеспечивает получение неизмеримо больших, достоверных и всесторонних знаний о нем в недалеком будущем.

Эти достижения Каз. Ц.С.У. нашли свое отражение в настоящей статье т. Соколовского В. Г.

Что нового в статье т. Соколовского?

То, во-первых, что в основу статистических наблюдений за аульной жизнью кладется территориально-географический момент. Этому до сих пор не было. Справедливо заявление т. Соколовского о том, что ни на каких картах казакское население не отмечено. Это—исторический курьез!

Во вторых, метод исследования, который предлагает т. Соколовский, в общем и целом соответствует конкретному содержанию объекта обследования, т. е. аула.

В третьих, сама техника статистического учета, которая дана в статье, действительно отражает реальные общественно-экономические связи, существующие в населении аула.

В четвертых, т. Соколовский делает весьма существенную попытку в области установления классовых признаков изучения аула, исходя опять-таки из учета конкретных особенностей, классовой борьбы в ауле.

Наконец, в пятых, статья т. Соколовского от начала до конца иллюстрирована разнообразнейшим фактическим материалом и рядом теоретических обобщений (может быть и ошибочных—это не умаляет достоинства статьи, как методологического произведения), что делает ее доступной рядовому статистику, не имеющему представления о казакском ауле.

Статья т. Соколовского намного приближает теорию и практику статистики к казакской действительности. В свете тех задач и методов подхода к статистическому изучению аула, которые изложены в этой статье, отпадают представления об ауле, как о чем-то таком, что по своей безформенности не поддается статистическому учету.

Казакстанская государственная статистика ставится на рельсы действительной жизни.

Включение в программные и методологические положения статистического изучения аула элементов учета патриархально-родовых и полуфеодальных идеологических надстроек открывает путь к пониманию экономической сущности тех процессов, которые совершаются в ауле. Капиталистические отношения в ауле складывались до сих пор в рамках родовой и полуфеодальной оболочки. Этим именно обстоятельством и оправдывается необходимость того, чтобы при статистическом обследовании аула были учтены и остатки патриархальных форм экономики и идеологии.

Статистика, лицом к аулу!

У. Джандосов.

Июнь 1926 года,

гор. Кызыл-Орда.

1. Об одной «загадке» казакского аула.

Выступая с политическим отчетом на 2-ом Пленуме Казакского Крайкома ВКП (б), тов. Голосекин отметил следующую характерную особенность методов партийно-советского строительства в Казакстане:

„Мы не учли и не учитываем, при построении совета в ауле, две вещи—живучесть родовых отношений и влияние байства. Мы строим советы в ауле также, как в Курской, Тверской и любой губернии центральной России. В этом, мне кажется, основная ошибка, основной недочет. Если мы этого не учтем, мне кажется, мы будем биться напрасно и все наши хорошие пожелания будут разбиваться об эту козость, об этот факт в жизни аула“ (Советская Степь № 101 от 7-го мая 1926 года).

И задачей настоящей статьи именно и является дать настолько сжатый анализ общей обстановки аула, насколько это позволяет необычайная сложность вопроса, общая неосведомленность в нем и недостаток располагаемого мною сейчас времени. Источниками послужили, во первых, личный опыт изучения последнего в процессе экспедиции тов. Джандосова и автора этих строк, производивших в 1924/25 г. по поручению Казкрайкома ВКП (б) обследование казакского аула Аулие-Атинского уезда (Сыр-Дарьинской губернии), во вторых—материалы Центрального Статистического Управления Казакстана, в аппарате которого я ныне работаю.

Наиболее характерным показателем степени нашего познания казакского аула является полнейшее отсутствие как будто самой элементарной вещи—хотя бы самого приблизительного обозначения на географических картах (даже самого крупного масштаба) местонахождения казакского населения, и не то, что «кочевого», но и самого что ни есть «оседлого». Сейчас, например, передо мной лежит новейшая рукописная карта (двухверстного масштаба) Кызыл-Ордынского уезда, служащая рабочим целям Исполкома последнего. Вижу горы, реки, озера, пески, «урочища» и тому подобные элементы физической географии. И если бы не линия железной дороги, да еще обозначение самого города Кызыл-Орды с несколькими русскими поселками—полное впечатление абсолютно безлюдной пустыни, незведомо для чего разделенной тремя толстыми линиями на четыре части, изображающими «укрупненные» волости.

Между тем по статистическим данным, даже при всей их условности, уезд состоит из 15—20.000 казакских хозяйств. Они же констатируют наличие 158 населенных пунктов, т. е. казакских «административных» аулов. Однако, тщетно было бы искать их на карте. Ежели русский поселок—сейчас же на карте кружок—его условное обозначение, и рядом название. Просто и хорошо. Как «административный аул—пустота! Пытался я добиться в исполкоме—где же, наконец, находится «подведомственное» ему население? Ответом служил неопределенный круговой взмах рукой по всей карте и пояснение: «Вот вообще, везде. А нужно будет кого, доставит милиционер. В случае же поездки по аулам, тот же милиционер проведет, куда следует!»

II. «Административный» аул не является «населенным пунктом».

Что же представляет этот, столь загадочно неуловимый «административный аул»? И что такое вообще населенный пункт? Понятие последнего определяется, прежде всего, территориальными признаками. Таким образом, мы называем населенным пунктом такую относительно компактную (т. е. скученную, связанную близким соседством) группу хозяйств (вернее, их усадеб), которая отделена от другой, ей подобной группы хозяйств, настолько значительным расстоянием, что она ясно выделяется на местности.

Количество хозяйств, при определении признаков населенного пункта, роли не играет. Населенный пункт может состоять из одного, всего на всего, хозяйства, и из десятков тысяч их.

Далее, административные признаки также ни в коем случае не могут быть положены в основу определения понятия населенного пункта. Низовой административной единицей является сельское общество, представляемое сельским советом. Но понятие сельского общества отнюдь не должно совпадать с понятием населенного пункта. Достаточно часто бывает так, что в районе имеются столь мелкие поселки, что в каждом из них нерационально было бы создавать отдельный сельсовет. Тогда некоторое количество их (например 5 или 10—12, а то и больше) объединяется в один сельсовет. Но в подобном случае так и говорят, что последний, представляющий первичную административную единицу, состоит из стольких-то, именуемых так-то, деревушек.

Теперь всякому, хотя-бы случайно бывавшему в казакском ауле, должно стать понятно, что из себя представляет в этом отношении казакский «административный» аул. Это отнюдь не населенный пункт в том смысле, как мы приняли выше, т. е. не «поселок». На самом деле это только «сельское» общество, т. е. низовая административная единица, состоящая из некоторого числа весьма мелких своеобразных «селений», находящихся на значительном расстоянии (десятки и даже сотни верст) друг от друга.

Наглядным примером внешнего вида такого административного аула может служить приложение 1-ое к настоящей статье. Представленный в схематической перспективе административный аул № 28 укрупненной Кара-Узаякской волости (Кзыл-Ордынского уезда) состоит из восьми фактических населенных пунктов. Это количество последних для административного аула отнюдь не является типичным. Бывает и меньше, но обычно больше, например 30, а то и 50 и 100 и т. д., одним словом, как на то была воля тех советских учреждений, которые создавали низовые административные единицы.

Как расположены на местности эти фактические мелкие населенные пункты и как они сочетаются в административные единицы (административные аулы и волости до последнего укрупнения), показывает схематическая географическая карта пятиверстного масштаба (см. приложение 9-ое).

Что же представляет по внешнему виду каждый из казакских населенных пунктов, обозначенных на этой карте кружками?

Типичным для казаков населенным пунктом, именно доподлинным «аулом», является группа хозяйств, численностью обычно от пяти до пятнадцати, имеющих постройки или переносные юрты. Подобный численный размер «аула» отнюдь не является случайным. Он предопределен преобладанием у казаков элементов пастбищно-кочевого хозяйства, а последнее, в свою очередь, — всей совокупностью естественно-исторических условий. И когда такой, фактический «аул», в результате естествен-

ного прироста населения, разрастается за пределы, допускаемые указанными условиями, он распадается, излишек хозяйств из него выделяется, переселяется на сторону и образует самостоятельный «аул».

III. Основные типы казакских населенных пунктов.

Но тут возникает естественный вопрос: ведь казаки являются кочевым народом—как же при этом условии можно выявить из состава «бродящих по степи орда» какие-то, да еще оформленные, населенные пункты?

В основном можно установить четыре типа казакских фактических аулов:

1

Скотоводческий аул, хозяйства которого *кочуют круглый год* и потому совсем не имеют построек. Население живет в юртах. Для скота на местах временных, но достаточно продолжительных стоянок делают открытые загородки из кустарника и т. п. (так называемое «кора»).

Несмотря на постоянное кочевание, хозяйства всегда находятся в самой непосредственной близости, никогда не теряя друг друга из виду. Таким образом, данная группа хозяйств безусловно представляет населенный пункт, пусть весьма своеобразный и непривычный, ибо он является *передвижным*, но все же он удовлетворяет основным признакам населенного пункта.

Что касается путей кочевания, то они являются совершенно определенными, повторяющимися, как правило, из года в год. Представление о внешнем виде такого скотоводческого «аула» дает приложение 4-ое (1-ая и 2-ая фотографии).

2.

Скотоводческий аул, в отличие от первого, имеющий *постоянную зимовку* где-либо в приречной долине. Находится он здесь до, примерно, полугода, т. е. с поздней осени и до ранней весны. В силу устойчивости стоянки, здесь отстроены зимние постройки для людей и для скота, кроме открытых загородок, часто еще и крытые хлевы.

Все хозяйства такого аула имеют переносные юрты (кибитки), в которые и переселяются с наступлением весны, а затем начинают кочевание (на джайляу), пути которого столь же определены, как и в предыдущем случае. Равным образом они на всем пути кочевания не расстаются друг с другом. Осенью, понятно, все возвращаются обратно на свою зимовку.

О внешнем виде (зимой) такого скотоводческого аула, хотя и кочующего, но уже имеющего устойчивую и вполне определенную призматическую территорию, можно судить по приложению 2-му (хотя, по существу, там и изображен земледельческий аул).

3.

Земледельческий аул; вся группа составляющих его хозяйств занимается земледелием и круглый год находится на *одном* месте.

Однако «осевлость» казаков-земледельцев является довольно *условной*. Поскольку и в таких хозяйствах скотоводческие элементы отнюдь не преобладают над земледельческими (в большинстве сохраняющими потребительский характер), то условия пастбищного содержания наличного скота (а также и стремление доставить людям больше удобства) заставляют «джатаков» (земледельцев) выселяться на лето из эи-

мовок и уходить на свое «джайляу» (независимо от того, будут-ли пашни, сенокосы, или пастбище для скота), иногда отстоящее от зимовки на 15-30 верст. При этом, за все лето они могут менять свои стоянки несколько раз. И здесь надо отметить характерную особенность казакского аула — все составляющие его хозяйства на все время своего «кочевания» будут держаться *обособленной группой, не перемешиваясь с хозяйствами других таких же аулов*. Осенью все опять вернутся на свои зимовки.

Представление о внешнем виде такого аула в зимнее время дает приложение 2-е, а приложение 5-ое представляет план расположения составляющих его усадеб. Приложение же 3-е уловило момент начала кочевания, когда хозяева уже покинули зимние постройки, переселились в юрты и расположились рядом со своими зимовками. В ближайшем времени все они уйдут еще дальше — в данном случае версты на четыре от зимовок. Бедняки, не имеющие переносных юрт, построят временные шалаши из камыша и т. п. материала.

4.

Наконец, аул *смешанный*, часть хозяйства которого является скотоводами (как в случае 2-м), а часть земледельцами (как в случае 3-м). По внешнему виду он будет совершенно подобен аулу, изображенному в приложении 3-м. Всю зиму все хозяйства будут находиться, естественно, вместе. Начиная же с весны они разделятся: «джатаки» (земледельцы) уйдут от зимовки лишь на небольшое, относительно, расстояние, а «кошпелы» (скотоводы) уйдут более далеко и в другом направлении. Осенью же все они опять соединятся на зимовке.

IV. Почему неправильно деление казаков на «кочевых» и «оседлых»?

Таким образом, мы дали достаточно исчерпывающий анализ основных типов того аула, который действительно является казакским населенным пунктом, и который ничего общего не имеет с так называемым «административным» аулом. Одновременно должна была стать ясной полная нереальность столь легко употребляемых теперь слов: «кочевой» и «полукочевой», «оседлый» и «полуседлый». С точки зрения той «неподвижности», с которой мы сжились в условиях хозяйства русского крестьянина, все без исключения казаки будут «кочевниками». Можно, конечно, в указанные выше понятия вкладывать различное содержание в смысле дальности кочевания, т. е. считать так: кочующие недалеко являются «оседлыми» и стало-быть земледельцами, очень далеко — «кочевниками» и потому скотоводами, а являющиеся середкой на полонину — «полукочевыми», т. е. наполовину скотоводами, наполовину земледельцами. Но деление казакских хозяйств по таким совершенно неопределенным признакам является совершенно искусственным, и потому практически ничего не дает.

Если взять Казакстан в целом, то становится совершенно ясным, что признак «земледелия» и «скотоводства» отнюдь не является тем решающим моментом, который определяет радиус (дальность) кочевки. Все зависит от того, насколько далеко от зимовки находятся те угодия, в которых (в зависимости от сезона) нуждается земледельец или скотовод. Отсюда по различным районам мы видим также весьма странные, на первый взгляд, явления: иной скотовод имеет свое джайляу в каких-нибудь 5 или 10 верстах от зимовки, а земледельец принужден уходить на 25—30, а то и больше, верст.

Во всяком случае, единственно точным и правильным будет распределение казаков на следующие хозяйственные категории:

1. Скотоводы, совершенно не имеющие своего посева.
2. Скотоводы, имеющие подсобные посевы

Примечание. Признак «своего» посева определяется приложением труда *своей* семьи. Если же скотовод вступает с земледельцем в «уртачные» отношения (т. е., в сущности говоря, только дает в аренду молочный и рабочий скот, взамен получая часть урожая), то это, само собой разумеется, отнюдь не может считаться, как наличие «своих» посевов.

3. Земледельец, имеющий, кроме рабочего, еще и гулевого скота.
4. Земледельец, совершенно не имеющий гулевого скота (кустарную и промысловую деятельность мы как здесь, так и выше, в расчет не принимаем).

Нало только отметить, что все эти категории отнюдь не являются застывшими. Наблюдаемые явления показывают, что идет непрерывный процесс передвижки из одной категории в другую. В основном он сводится к следующему. Каждый скотовод стремится приобрести такую приимовочную территорию, где можно было бы заняться и земледелием, как подсобным предприятием к скотоводству. Цель такого сочетания скотоводства с земледелием — придание первому большей устойчивости против стихийных бедствий («жухтов»). Но основой хозяйства остается, конечно, именно скотоводство, при котором земледелие идет по линии посевов кормовых (для скота) и продовольственных (для людей — в пределах собственного потребления) культур.

Разорившийся из-за «джута» скотовод поневоле, чтобы не погибнуть от голода, принужден переходить к земледелию. Но дальнейший подъем хозяйства идет по пути не расширения посевов, а накопления скота. Следовательно, стремление четвертой группы заключается в передвижке в третью, и затем, по мере увеличения количества скота, и во вторую, т. е. перенесение центра тяжести на скотоводство с дополнительным посевом указанного характера.

Таким образом, нормальный процесс развития казакского хозяйства в основном можно свести к пополнению именно *второй* группы за счет всех остальных.

V. «Аул-кстау» и «аул-джайляу».

Вернемся теперь к казакскому населенному пункту, т. е. к фактическому «аулу».

Обнаружен этот «аул» был впервые еще исследователем Щербиной. Именно им было установлено, что казаки живут не беспорядочно разбросанными по степи хозяйствами, а образуют мелкие аулы, в среднем от 5 до 15 хозяйств. Эти населенные пункты были названы им «хозяйственными аулами».

Но в дальнейшем, у ряда других исследователей казакского аула, это понятие «хозяйственного аула» крайне исказилось. Под последним стали понимать не населенный пункт, как Щербина и мы, а гораздо более широкое обобщение населения, по существу целые «общины», т. е. несколько фактических аулов (иногда даже 20—30), объединенных землепользованием. Что касается Щербины, то у него отсутствует достаточно отчетливое определение «хознаула», последние даже не нанесены на географические карты.

Между тем мы должны установить *подлинный* населенный пункт, определяемый в основе именно территориальными признаками. И в статистической работе, в ее как исследовательской, так и разработочной части, первичной счетной единицей должен стать этот самый населенный пункт. Признаки последнего я уже определил. Остается теперь

только дать ему наименование. КазЦСУ решило отказаться от столь расплывчатого неопределенного названия, как «хозяйственный аул». Пропе, да, пожалуй, и правильнее всего было бы называть казахский населенный пункт просто «аулом» (по примеру самого населения) но, поскольку мы до сих пор по привычке считаем за населенный пункт «административный» аул, то, во избежании путаницы, принуждены дать какое-то особое наименование этому «аулу». И выбрали следующее—«аул-кстау», т. е. в переводе—«зимний аул». Почему за основу берется признак зимнего сочетания хозяйств, т. е. те населенные пункты, которые можно обнаружить зимой? Этот признак является наиболее характерным. Во первых, именно зимой, когда совсем (кроме первой скотоводческой категории аулов) прекращаются всякие кочевки, особенно легко выявить и учесть казахские населенные пункты. Во-вторых, каждый из всех первых трех типов аулов и на все время кочевки сохраняется, как территориально обособленный населенный пункт.

Таким образом, когда мы берем за основу «аул-кстау», т. е. зимний аул, то он одновременно будет и «аулом-джайлау», т. е. и «летним аулом». Одним словом на всем протяжении пути годового цикла кочевания казахский аул остается все тем же населенным пунктом. Меняется только, по сезонам, его географическое расположение. Это и понятно. Приложение 3-е к данной статье, как уже указано, иллюстрирует первый момент начала кочевки. Затем вся группа хозяйств данного аула-кстау («Толес») передвигается дальше. В данном случае—версты на четыре, но расстояние в этом отношении роли не играет.

В самом деле—не все ли равно, куда передвинется данная группа на 4 версты или на целых 1200 верст? Ведь те причины (т. е. условия пастбищно-кочевое хозяйство), которые заставили казаков организовать именно такого размера населенные пункты—аулы-кстау, продолжают действовать и на путях кочевки, т. е. в летнее время также, как и зимой.

Поэтому то мы и даем казахским населенным пунктам названия «аулов-кстау». Но поскольку статистическим учреждениям лишь впервые придется вплотную подойти к изучению казаков, обследование же обычно производится летом, когда значительная часть скотоводов будет находиться на летовочных территориях (джайлау), то мы и назвали населенные пункты, которые найдут там исследователи, именно «аулами-джайлау».

VI. Сходство и отличие казахского аула-кстау от русского поселка.

Но здесь возникает одно сомнение—насколько постоянным является состав каждого такого населенного пункта? Иначе говоря, в силу огромной подвижности всего, не исключая и земледельческой части, казахского населения, не происходит ли постоянного изменения в составе хозяйств, образующих тот или иной аул-кстау, а следовательно и аул-джайлау?

Еще Щербина в «Материалах по киргизскому землепользованию» в Актюбинском уезде (изд. 1903 года) указывал (стр. 4-5):

«Основную форму киргизского общественного сожития представляют так называемые, по терминологии экспедиции, хозяйственные аулы. В Актюбинском уезде, как и всюду в степных областях, эти формы сложились под непосредственным влиянием пастушеско-родового быта. Несколько родовичей—часто отец с сыновьями, племянники с дядей, родные или двоюродные братья и пр., занимали, в силу своей естественной кровной связи, определенные стоянки на зиму и затем вместе кочевали со скотом в остальное время года. С течением времени такие естественные родовые группы разрастались и по мере того, как увеличивалось население, и совместное сожитие становилось стеснитель-

ным, являлась надобность в расчленении основной родовой формы на части и от разросшейся группы родовичей, как от материнской клетки, отделялись новые формы общежития».

По соображениям, указанным выше, эти родовые группы, представляющие «основную подвижную форму киргизского общежития», мы называем аулами-кстау (и аулами-джайлау). Но что касается характеристики, данной ему Щербиной, то она в основном совершенно правильна. Однако, все эти положения необходимо несравненно более развить и уточнить.

Самый тип и размер казахского населенного пункта предопределен воздействием всей суммы естественно-исторических факторов. Но состав его, т. е. вхождение в аул-кстау совершенно определенных хозяйств, всецело обусловлен родовыми моментами. В этом—характерная особенность казахского населенного пункта, самое существенное отличие его от русской деревни. Последняя представляет в организационно-хозяйственном отношении механическую, по крайней мере в основном, совокупность первичных ячеек, которыми являются индивидуальные хозяйства. Взаимоотношения последних определяются, как производное, такого простого факта, как соседство. Родственные отношения за пределами семейно-хозяйственной ячейки уже почти не сохранились. Любой крестьянин без всякого труда и сомнения может переселиться из одной деревни в другую, и если только получит в последней земельный надел, то становится вполне равноправным членом общества и прекрасно чувствует себя на новом месте.

Совсем не то в казахском ауле-кстау. Правда, последний отнюдь не представляет, как это иные полагают, некоторое подобие «первобытной коммунистической общины». И здесь господствуют отношения, основанные на частной собственности. Казахская семья построена также, как и русская, и в ее наследственном владении находятся все средства производства. Если в отношении землепользования еще и существует своеобразная родовая община, то вполне наметился процесс перехода ряда земельных угодий, в первую очередь наиболее ценных (напр. сенокосов) уже в посемейное (похозяйственное) пользование. Отсюда экономическое неравенство (гораздо большее, нежели в русской деревне), наличие бая и бедняка, жестокая эксплуатация последнего первым и т. п.

Тем не менее родовые моменты не только сохранились, но и, что самое главное, остаются весьма крепкими и настолько жизненными, что рассчитывать на их самопроизвольное исчезновение в сколько-нибудь ближайшем будущем совершенно не приходится. Что же из себя представляют родовые отношения, что такое вообще род? Из самого смысла этого слова вытекает, что в основе его лежит понятие родственности. Последнее, вообще говоря, нам не ново. Напр., братья и сестры, дети и родители, дяди и племянники являются родственниками.

Но между родственной связью в тех пределах, которые свойственны европейцам, и родовой связью, как она существует у казаков (а равно и у всякого народа, стоящего на соответствующей ступени социального развития) имеется огромная разница. Мы, само собой разумеется, знаем своего отца. Многие помнят деда. Очень редкие знают имя прадеда. И это понятно: те отношения частной собственности, в которых мы находимся, пробьют самую по мере вступления детей в зрелый возраст. Не только в городе, но и в русской деревне братья, выделившиеся в самостоятельные хозяйства, без всякого труда разъезжаются в разные стороны и теряют всякую связь между собой.

У казаков не то. Как правило, любой десятилетний мальчишка знает имя не только своего деда и прадеда, т. е. предков на третьем и четвертом колена вверх, но даже имя прадеда, стоящего на шестом, седьмом а то и выше поколения. И родовые отношения в первую очередь тем и характеризуются, что они объединяют людей крайне удаленных в смысле своей родственности, т. е. каких-нибудь десятиуродных братьев—понятие нам совершенно чуждое.

Чем же это объясняется? И что такое вообще род, т. е. какое же поколение вверх (пятое, десятое или, напр., пятнадцатое) можно считать предельным для определения понятия «род»? Весьма интересна та неосведомленность и путаница в представлениях, которая свойственна всем, даже весьма компетентным, исследователям. Взять хотя бы статью столь известного статистика, как *Б. А. Лыко*—«Метод и техника районирования»; помещенную в сборнике «Материалы по районированию Туркестана» (изд. 1924 года). На странице 25-ой читаем:

«Современные родовые группировки не являются тем то определенным и устойчивым... чрезвычайно трудно решить, какую степень родовых делений положить в основу административного деления—род, колена или еще более мелкую родовую группу, так как взаимоотношения между отдельными группами даже в пределах одного и того же рода не представляют чего то постоянного и могут меняться, переходя от дружеских к враждебным и наоборот».

У читающего получается неутешительный вывод: «мы знаем только то, что ничего не знаем» Но может быть знание родовой группировки населения и не является необходимым? Приводим на этот счет мнение тех статистиков, которые (в том числе и упомянутый *Б. А. Лыко*) руководили переписью 1917 года в Ферганской области нынешней Узбекской Республики («Материалы Всероссийских переписей», изд. 1924, выпуск IV-ый, стр. 47-ая):

«У кочевых кара-киргиз в полной неприкосновенности сохранилось еще сложное родовое деление, тесно связанное со всем укладом кочевой жизни. Род играет преобладающую роль в экономической жизни населения; по признаку происхождения от общего родоначальника объединяются земледельческие ячейки—хозяйственные аулы и кочевые общины. Наиболее крупные и крепко спаянные роды были в то же время и самыми богатыми, так как захватывали лучшие земли и пастбища».

Не меньшее значение имеет родовое начало и в общественно политической жизни киргиз. Выборы в полостные правления после завоевания края русскими всегда сопровождались страстной борьбой влиятельных родовых групп. Мелкие роды при этом отсиживались в сторону и попадали в подчиненное положение. Благодаря такому порядку возмисало постоянное стремление со стороны мелких групп к перестройке волостей для объединения с сородичами. Следствием этого была полная неопределенность и хаос в местном административном делении кочевых киргиз.

Крупную роль играют роды и при всяких внешних политических выступлениях кара-киргиз. Во время враждебного русским движения 1898 года в Фергане обнаружилось, что в борьбу против русских втягивались целиком родовые группы под влиянием честолюбивых и фанатических родоначальников. С другой стороны, некоторые роды оставались спокойными только потому, что в движении принимали участие враждебные им родовые группы.

То же наблюдалось и в 1916 году во время восстаний, вызванных мобилизациями на тыловые работы. То же мы видим и в последние годы в басмаческом движении, направленном против Советской власти».

Действительно, мало что можно прибавить к этим, в основном, совершенно правильным формулировкам, полностью применимым и к казакам. Однако, остается непонятным, что же, собственно говоря, является родом, коленом, «более мелкой родовой группой»? С чего следует здесь начинать и чем кончать?

VII Аул-кстау является первичной, самой мелкой, родовой группой.

Для ответа на все эти вопросы вернемся к аулу-кстау. Как указывал еще Щербина, первой исследователь казакского населения, он

состоит из нескольких родственников. Каких именно по степени родства, мы сейчас покажем. Приложение 2-ое дает представление о внешнем виде аула-кстау „Толес“. В нем одиннадцать хозяйств. Сперва рассмотрим первые десять (об одиннадцатом потом, см. главу IX).

Приложение 6-е представляет родословную таблицу, увязывающую родством все население данного аула-кстау. В нем 48 человек обстога поля, и все они являются потомками лишь одного человека, давно уже умершего, по имени „Толес“. И если считать детей за первое поколение, отцов за второе, дедов за третье и т. д., то оказывается, что население этого аула-кстау объединяется уже на шестом поколении. Таким образом, становится совершенно ясным, что аул-кстау является не только населенным пунктом, но одновременно и *родовой группой*. Поскольку у казаков вообще все роды представляют потомство какого-либо предка и называются по его имени, то и данная родовая группа происходящая от Толеса, будет, естественно, называться также „Толесом“.

Теперь должно стать понятным, почему и насколько устойчив состав хозяйств и населения каждого аула-кстау, почему он не разрушается даже во время кочевек—его стягивают скрепы родовой связи.

Не нужно думать, что подобная структура аула-кстау является исключительной и мы делаем выводы на основании лишь этих данных. Вопрос этот КазЦСУ изучен более чем достаточно. У нас имеется материал примерно на 1300 аулов-кстау по Аулие-Атинскому уезду (собранный в 1924/25 г. г. экспедицией т. *Джандосова*), и более чем на 1500 их по Кызыл-Ордынскому уезду (полностью обследованному КазЦСУ в 1926 году по особой пробной программе). И в число обследованных аулов-кстау входят все указанные выше типы аулов-кстау, расположенные в самых разнообразных естественно-исторических районах, начиная с песчаных пустынь и кончая горными ущельями. Тщательное же изучение материалов прошлых исследований Переселенческого Управления показало, что аулы-кстау, находящиеся в остальных уездах северных губерний Казакстана, представляют ту же особенность.

Всегда и везде одна и та же картина: аул-кстау является ничем иным, как первичной родовой ячейкой. Указанный же аул-кстау „Толес“ (см. приложения 2, 3, 5, 6, и 7-ое) интересен в том отношении, что он является, во-первых, земледельческим и, во-вторых—земледелием занимается уже десятки лет. Таким образом, он вполне иллюстрирует наше утверждение, что родовые моменты свойственны не только „кочевникам“ и что земледелие отнюдь не является той силой, которая сама по себе разрушает родовые отношения.

Насколько небольшим спасением в этом отношении является „даже“ переход к *поселковой* оседлости, показывают приложения 15-е и 16-ое. Последние самым наглядным образом вскрывают родовую структуру кишлака (поселка) Утегтеу, доказывая, что образовался он только путем соединения девяти обыкновенных аулов-кстау, при чем составившие их хозяйства даже и здесь составили соседские группы. Что касается проявления родовых моментов, то до некоторой степени (но далеко не полностью) они освещены в тексте на самих приложениях.

Наконец, этот аул-кстау позволяет иллюстрировать и еще одно положение: что влияние торгового капитала, а оно должно быть весьма сильным, ибо аул-кстау „Толес“ находится только в четырех верстах от города Кызыл-Орды, оказывается, совсем не таким решающим фактором в деле разрушения родовых связей (подробнее об этом см. в главах XIX и XX). Как бы то ни было, но с точки зрения основных признаков родовых особенностей, этот, как и остальные сотни аулов-кстау, расположенных вокруг городов и занимающихся земледелием,—ничем

не отличается от тех аулов-кстау, которые находятся за тысячу верст от рыночных центров и кочуют круглый год.

VIII. Что вообще называется «родом» и как исторически создается последний.

Мы имеем теперь, таким образом, необходимое представление о первичной родовой группе. А что такое «род» вообще? Для пояснения обратимся к приложению 10-му. Здесь мы видим схематическую географическую карту расположения аула-кстау двух административных аулов Чунгурской волости (Аулие-Атинского уезда). Все эти аулы-кстау, каждый из которых по своей родовой структуре вполне подобен аулу-кстау «Толес», в своей совокупности также представляют какую-то родовую группу.

Как она организуется? Характер родственных связей аула-кстау «Толес» мы выяснили очень простым способом—строим на все население родословную таблицу снизу вверх, т. е. начиная с грудных младенцев до момента их пересечения на общем предке Толесе. (Описываем здесь и дальше подобный прием составления родословной таблицы только для большей ясности, ибо практически, во время обследования, составляется она в обратном порядке—сперва выясняется общий предок, которым является в данном случае Толес, и таблица выводится от него *сверху вниз*).

Но теперь мы имеем несколько десятков таких аулов-кстау. Они принадлежат к одному «роду». Как это выяснить? Казаки знают свою генеологию (родословную) значительно выше тех ближайших предков, на которых объединяется население отдельных аулов-кстау. Они могут перечислить своих предков на 15-20, даже 30 поколений, вверх. И если мы в том же порядке, как только что был указан для изучения характера родственной связи населения одного аула-кстау, будем составлять родословную таблицу снизу все вверх и вверх, но только уже начиная с общих предков для каждого аула-кстау, то в конце концов на каком то поколении и здесь дойдем до того их общего предка, происхождением от которого объединяются все эти аулы-кстау полностью.

Приложение 12-ое иллюстрирует метод, с помощью которого мы выявляем родовую организацию казакского населения. Взятые для примера 44 аула-кстау этих двух административных аулов все происходят от общего предка по имени Умыр. Отсюда все они и числятся принадлежащими к «роду» Умыр.

А что получится, если мы теперь повесим родословную таблицу еще выше вверх, начиная от этого «Умыра» и ему подобных родовых групп? Приложение 13-ое показывает, что мы доходим до рода «Сыйким», и, наконец, в приложении 14-м мы доходим до легендарных сведений, дающих представление о том, как понимают казаки общее происхождение не только всех своих родов, но и ряда других родственных народов, как узбеки, кара-калпаки и т. п.

Таким образом, мы без труда можем дать полную увязку характера и степени родовых отношений в пределах как всего казакского народа, так и любого района (все равно будет ли он административным аулом, или волостью, или уездом и т. п.). И при таком подходе можно совершенно конкретно формулировать понятие «род»:

1) Аул-кстау является первичной родовой группой. Таким образом, в данном случае (приложение 6-е) аул-кстау представляет родовую группу Толес. Равным образом и каждый из аулов-кстау, представленных в приложении 12-ом, в свою очередь представляет первичную родовую группу соответствующего наименования.

2) Возьмем из приложения 12-го два аула-кстау (из административного аула № 4), а именно «Ермек» (по списку за № 2) и «Бармак» (по списку за № 3). Они объединяются происхождением от «Орумбая».

Следовательно «Орумбай» является «*вторичной*» родовой группой, *столицей* из двух аулов-кстау.

3) Одним поколением выше находится «Байсеит», также являющийся родовой группой, так сказать «*третьичной*», *состоящей* из пяти аулов-кстау (по списку от № 1 до № 51 и т. д. и т. д.).

Следовательно, как то иллюстрирует приложение 12-ое, *любое имя по всей родословной таблице обозначает какую-то реальную родовую группу, включающую в себя известное количество аулов-кстау, т. е. первичных родовых групп*. Если указанная родовая группа «Орумбай» состоит из двух аулов-кстау, то «Елтузер»—из 22-х, а «Елибай»—из 44-х и т. д.

Одновременно обе эти родословные таблицы (приложение 6-ое и 12-ое) помогают понять, *почему аулы-кстау имеют такое закономерное в родовом отношении построение и как вообще образуются роды*.

Возьмем аул-кстау «Толес». Он состоит из десяти хозяйств (об одиннадцатом хозяйстве скажем потом). В результате естественного прироста населения число хозяйств постепенно будет увеличиваться. Раню или поздно, но размер этого аула-кстау превысит тот предельный размер, до которого только и допускают идти местные хозяйственные и природные условия. Иначе говоря, если в данном районе самый больший размер, который может иметь аул-кстау, составляет 15 хозяйств, а стало уже, скажем, целых 20 хозяйств, то аул-кстау, *естественно, должен разделиться на две части, из которых каждая образует самостоятельный аул-кстау*. Об этом мы уже говорили в главе II-ой. Что же получится в результате такого раздела?

Сейчас все население происходит от Толеса. У него было два сына—Токсан и Бармен. И вновь выделившиеся два аула-кстау получатся, как правило, таким образом: потомство одного сына, Токсана, образует один аул-кстау, называемый «Токсан», а потомство другого сына, Бармена, создает другой аул-кстау, называемый «Бармен». С вновь, таким образом, возникшими аулами-кстау в свое время повторится та же самая история, т. е. разделение на самостоятельные аулы-кстау. «Токсан» разделится на «Кара-Буру» и «Бай-Буру». С «Барменом», у которого четыре сына, может произойти, например, такая история: потомство двух старших сыновей (Бердыходжа и Ташмамбета) создает один аул-кстау, а потомство двух младших (Бижана и Молбагара)—другой.

Точно таким же образом образовалась и родовая группа «Елтузер» (см. приложение 12-ое), представляющая целый административный аул № 3 Чунгурской волости Аулие-Атинского уезда. В то время, когда были еще живы, т. е. вероятно лет 150-200 тому назад, его (т. е. Елтузера) внуки (Байсеит, Бокбас и т. д.) и правнуки (Корлубай, Орумбай и т. д.), они представляли один аул-кстау, называвшийся «Елтузером». Этот аул-кстау постепенно разрослся и из него получилось уже два аула-кстау—«Рыспай» и «Коттыгай». В дальнейшем аул-кстау «Рыспай» распался на три аула-кстау: «Байсеит», «Бокбас» и «Рустем». «Байсеит» в свою очередь дал, сперва три аула-кстау, «Корлубай», «Орумбай» и «Уте», и, наконец, каждый из двух последних, ранее существовавших аулов-кстау, дал теперь, в свою очередь, по два существующих ныне аулов-кстау.

Таким образом, разрастание, примерно, в течении 150-200 лет потомства одного аула-кстау, состоявшего в свое время, вероятно, не более, как из 10-12 хозяйств, дало в результате 210 хозяйств. Но этот аул-кстау не разросся в целый поселок, а непрерывно дробился все на

новые и новые аулы-кстау, при чем размер ни одного из них не превышал 12-15 хозяйств. И «расплодившиеся», в конечном итоге, 210 хозяйств составляют целых 22 аула-кстау.

Итак, понятие «рода», правильнее сказать, «родовой группы», можно формулировать следующим образом: это *группа хозяйств, объединенных происхождением от какого-то одного общего предка, по имени которого она и называется.*

Но сейчас же возникает очередной вопрос—*где предел тех скреп, которые образуют родовую группу?* Ведь если последовательно проследить снизу вверх всю серию родословных таблиц (приложение 6, 12, 13 и 14-ое), то бросается в глаза совсем странная вещь: мы вывели родословные таблицы, начиная от ныне живущих вверх на 25-30 поколений. Так неужели же в сознании казаков реальное значение имеют даже такие, необычайно далекие, степени родства?

К сожалению, дело обстоит именно так. Ископанный у нас материал по изучению существующей в казакском ауле обстановки с неопровержимой убедительностью доказывает, что по существу *нет предела той степени родства, которая обрывает актуально проявляющую себя в общественно-политической жизни казакского аула родовую группу.* Родовая борьба происходит и между такими родовыми группами, каждая из которых объединяется родством на 15—20 поколений вверх. Но одновременно родовые противоречия могут (и это происходит на самом деле) развертываться и между различными поколениями уже *внутри* каждой из таких родовых групп.

Поясним это примером. Возьмем приложение 13-ое. Предположим, мы установили борьбу между родовыми группами «Байсеит» (Каракойлы) и «Есполды» (Аккойлы). Но оказывается, что и в пределах последней одновременно происходит борьба между родовыми группами, скажем, «Умыр» и «Сатыбалды». Далее, хотя и по другим причинам, но никак не могут ужиться между собой родовые группы «Ельтузер» и «Боры», входящие в состав «Умыра» (см. приложение 12-ое). И это еще не все—внутри «Ельтузера» жестокий спор идет между «Рыспаем» и «Козыбаем» и т. д. и т. д. И если вспомнить данное нами выше (в начале этой главы) определение родовой группы—что это есть потомство любого предка по всей родословной таблице—то становится понятным, какой *необычайно запутанный клубок представляют эти самые родовые противоречия сами по себе и, тем более, в сочетании с отношениями уже классового порядка и насколько сложна задача их распутывания.*

IX. Что такое «керме».

Чтобы привести одно лишнее доказательство последнего положения, вернемся к аулу-кстау «Толес» (см. приложение 6-ое). До сих пор мы изучали его основное ядро, состоящее из десяти хозяйств, и в главе VII обошли молчанием вопрос об одиннадцатом хозяйстве, т. е. *Даулет-те Джакупове.* Рассмотрим его здесь.

У каждого, читающего эти строки возникает, несомненно, некоторое недоразумение: неужели же все без исключения аулы-кстау столь же закономерно построены в родовом отношении, как и аул-кстау «Толес»? Ведь должны же быть «отщепенцы» от своих аулов-кстау, переселившиеся в другие районы. И поскольку мы не видим, чтобы кто-либо из казаков жил в степи в одиночном порядке, очевидно, что они принуждены присоединиться к каким-либо другим, уже существующим, аулам-кстау. Следовательно, должны встречаться смешанные в родовом отношении аулы-кстау, т. е. такие, к основному ядру которых присоединяются посторонние.

Действительно, подобное явление имеет место. И примером этого может служить аул-кстау «Толес», в котором одиннадцатое хозяйство по списку является посторонним в родовом отношении, т. е. тем, которое по русски называется «припущенником», а по казакски—«керме».

В главе IV-ой мы рассмотрели те процессы, которые происходят в казакском хозяйстве. Соответственно V-ая Всеказакская Партконференция отметила следующее:

«*Вся колонизационная политика сводилась к тому, чтобы изъять из пользования казакского населения удобные земли под переселение. Изъятию почти всех праречных пойменных сенокосов, лучших прижимовочных территорий, в ряде районов, летовок, поставило казакское скотоводческое хозяйство перед фактом катастрофического его упадка и непреодолимого состояния кризиса.*

И, разорившийся в результате последнего, стелый хозяйник-скотовод волей-неволей принужден уходить из степей и песков и искать такого места, где можно было бы получить землю и заняться земледелием. Но ему приходится сталкиваться с обстановкой, характеризующейся:

«*. . . запутанностью межнациональных отношений землепользования—во первых, столкновением на земельной почве интересов различных по системе и типу хозяйственных форм (пастбищное скотоводство и экстенсивное зерновое хозяйство)—во вторых, наличием остатков первоначального вольного захвата земли в способах землепользования среди казакского населения (оставляющем большой простор для огромного неравенства землепользования и для земельных неурядиц)—в третьих. Особо остро стоит земельный вопрос в районах оседания казакского населения вследствие ограниченности удобных земель, лучшая часть коих была изъята под земледельческую колонизацию. . . . Среди кочевников идет борьба за хозяйственное освоение земель, удобных под зимовки и подзимовочные угодья. . . .» (из резолюции V-ой Партконференции).*

Таким образом, этот несчастный разорившийся скотовод, на пути осуществления своего стремления заняться (чтобы как-нибудь перебиться) земледелием, попадает в промежуток между безмерно перемалывающими все жерновами, одним из которых является указанная выше обстановка, а другим—крайняя живучесть родовых отношений. Последнее означает, что если бедняк, хотя кое-как, но все же относительно может устроиться на территории, занятой его ближайшими сородичами, то, *попав в район чужого рода, он окажется уже совсем бесправным.*

И вот единственный выход для нашего бедняка заключается в присоединении его к такой родовой группе,—при этом именно к *самой реальной* из них всех, т. е. к аулу-кстау,—в которой он мог бы получить хоть что-либо из тех прав, какие вообще предусматриваются «адатом» («обычным правом», вытекающим из родовых отношений). Следовательно, он ищет, в первую очередь, такой аул-кстау, население которого находилось бы с ним в возможно более близкой степени родства. Понятие же последнего, как мы уже достаточно подробно выяснили, весьма относительно. Так, например, в данном случае Даулет Джакупов «родственник» населению аул-кстау «Толес» постольку, поскольку и первый, и последний происходят из родовой группы «Найман», отстоящем от них по крайней мере на 20—25 поколений вверх. И другого выбора у Даулета не было: в районе, в который он переселился, это самые близкие сородичи, ибо остальные, находящиеся здесь, родовые группы еще более далеки от него в родственном отношении (ибо это «Арыны», «Джапасы», «Табын» и т. д.—см. приложение 14-ое).

Само собой разумеется, такая степень родства, в смысле предоставления каких-либо действительных прав, является сплошной фикцией. Поэтому приходится изыскивать что-либо более реальное. И каждый казак *по неволе принужден всеми силами цепляться за своих ближайших сородичей, прежде всего за свой аул-кстау.* Только абсолютная невозможность найти себе пропитание (хотя-бы полуголодное) в пределах своего

аула-кстау может заставить его пуститься на весьма значительный риск — оторваться от своих сородичей. Поэтому-то каждый казак, наученный горьким опытом полной неустойчивости своего хозяйства от влияния стихии («джуты», эпизоотии), заблаговременно, хотя бы и бессознательно, заручается известными связями. В первую очередь последние устанавливаются в направлении родства по женской линии. Этим отчасти и объясняется то явление, что у казаков, как правило, браки заключаются между родственниками не ближе седьмого колена. И поскольку понятие степени родства и здесь является весьма расширенным, то каждый казак имеет достаточно много «родственников» в аулах-кстау других родовых групп (по линии своей жены, матери, дочерей, сестер, племянниц и т. д.).

Кроме того, здесь на помощь приходит обычай «тамыр»-ства, т. е. заключение особого вида дружбы с лицами, принадлежащими к составу других родовых групп.

Эти связи и используются тогда, когда надо получить какую-либо помощь со стороны не только своих прямых родичей, но и представителей других родовых групп. В частности, и в рассматриваемом случае разорившийся скотовод вселится именно в тот аул-кстау, с кем-либо из представителей которого у него будет связь в одном из указанных направлений (женская линия и «тамыр»-ство).

Между прочим, надо отметить, что подобные связи держатся не механическим способом. Принимаются все меры к тому, что бы их поддерживать и укреплять. Достигается последнее таким образом: во время каждого семейного события, как-то: рождения, брака и смерти, между данной семьей, с одной стороны, и его «нагаче» (родственниками по женской линии) и «тамыр»-ами с другой, происходит в совершенно определенной последовательности взаимный обмен подарками. Система же последних такова, что в конечном итоге (напр. в целые десятки лет) то, что дано одной стороной, должно уравновеситься подарками другой стороны.

Таким образом, даже в тех случаях, когда состав аула-кстау не будет совершенно однородным в смысле родства по мужской линии, а в его составе будут «посторонние», то и тогда мы упираться в явления, производные все из тех же родовых отношений.

В своей резолюции—V-ая Всеказакская партконференция установила следующее положение:

«Между мелко-групповыми земельно-хозяйственными единицами, между мелко-родовыми общинами (здесь подразумевается то, что мы назвали аулом-кстау. В. С.) и внутри их продолжает существовать огромное неравенство землепользования. Одиозочки-бедняки—отделившиеся от своей родовой ячейки, и переходящие к оседлому земледелию, а равно и группы их, в большинстве случаев остаются бесправными на землю и не могут фактически осуществить свое право на землю, оставаясь неприятыми в среду ранее освоившего землю населения».

И, действительно, в условиях господства родовых отношений некоторые, и то далеко не всегда, шансы на получение земельного надела «корме» имеет только в том ауле-кстау, с которым у него существует связь по женской или «тамырской» линии. Но последнее отнюдь еще не обеспечивает его на все 100%. Отсюда стремление, при первой же возможности, вновь вернуться в свой аул, с которым связи он, как правило, никогда не теряет.

Интересный фактический материал в этом отношении может дать приложение 12-ое. На помещенной в последнем родословной таблице мы видим 44 аула-кстау, происходящие от «Умыра». Кроме того в административном ауле № 1 за номером 23 числится еще аул-кстау «Джамантай».

Там же в нескольких словах дана история образования этого аула-кстау: когда-то в эту волость прибыл бедняк, по имени Джамантай, и поступил на работу по найму пастухом в один из тогда существовавших аулов-кстау родовой группы «Умыр». Здесь он остался на жительство совсем, присоединившись к тому же аулу-кстау, с которым у него была указанного выше порядка связь (между прочим таких пастухов, пока они работают по найму, население аула-кстау совершенно не считает входящими в свой состав; он продолжает числиться в своем ауле-кстау, где бы тот не находился). Прошло известное время. Потомство Джамантая разрослось и при первой же возможности выделилось в самостоятельный аул-кстау «Джамантай», состоящий ныне из 8 хозяйств и являющийся, таким образом, в целом «корме» по отношению к родовой группе «Умыр».

Не менее характерны и некоторые моменты истории казакского кишлака (поселка) «Утетлеу», вкратце описанные в приложениях 15 и 16-ом (и в главе VII-ой). Составляющие этот кишлак родовые группы «Утетлеу» и «Рсай» (входящие в состав высшей родовой группы «Бийдас») раньше жестоко угнетались—прежде всего на земельной почве—господствующими в силу своей многочисленности родовыми группами «Худайкул» и «Чагай» (братьев «Бийдаса»). Устроившись в этом отношении, с помощью пореволюционного Переселенческого Управления, путем организации кишлака, «Утетлеу» и «Рсай», хотя и ведут теперь ожесточенную взаимную борьбу, зато единодушны в одном—не пускать на свою землю никого из посторонних. И под последними понимаются именно и только не принадлежащие к составу какой-либо из этих двух «монопольных» родовых групп. Таким образом, с одной стороны принимаются все меры к тому, чтобы переселить (в интересах взаимной родовой борьбы) сюда, хотя бы за свой счет, сородичей из Ташкентского, Чимкентского и даже Алма-Атинского уездов, а с другой—некоторое количество «корме», (в родословной таблице не отмеченных), проживающих в кишлаке, не только не получили надела, но, наоборот, им категорически предложено выселиться совсем из кишлака (здесь имеется в виду, что Советская власть может принудить наделить их землей).

И так, явление «корме» является результатом, с одной стороны, того кризиса, который переживает казакское хозяйство в целом (и не только пастбищно-скотоводческое, но и экстенсивно-зерновое), и с другой, процесса распада «рода», как хозяйственного целого. Последнее представляет совершенно естественный и неизбежный процесс исторического развития общественных форм.

Однако, одновременно «мертвый хватает живого». Развитие производительных сил в ауле требует, прежде всего, наличия самой элементарной предпосылки—возможности свободного передвижения и выбора местожительства. Насколько же это фактически осуществимо, мы достаточно подробно проиллюстрировали. И поневоле приходится сделать вывод: в результате диаметрально противоположно действующих сил—одних, разлагающих «род» прежде всего как территориально-целостную группу и других, укрепляющих скрепы родовых группировок—победа пока что остается за последними.

X. Об одной «оптимистической» иллюзии.

Надо полагать, даже приведенного строго фактического материала уже вполне достаточно, чтобы обосновать положение, что родовые моменты, продолжают играть решающую роль в хозяйственной и общественно-политической жизни казакского аула. Однако, оно лишь с громадным трудом воспринимается партийной и советской общественностью.

Уперно продолжает господствовать уверенность, что если еще и существуют родовые пережитки, то они настолько незначительны и при этом, обречены на *самопроизвольное* разложение, что считаться с ними в практической работе совершенно не нужно.

Тов. Голощекин в своем докладе на 2-м Пленуме Казкрайкома ВКП (б) отметил (см. «Советскую Степь» № 101) следующее:

«Так вот, товарищи, как же мы подходим к строительству Совета в ауле? Я отвечаю—мы подходим по-русски. Мы имеем ряд европеец-русских, которые не допускают и мысли, что можно иначе строить Советскую власть, чем она строится в Тульской и Тверской губерниях. Не допускает, потому что не представляет жизни иначе, чем видел ее из окна вагона. Он приходит к такой марксистской логике—есть бедняк, есть середняк и есть бай. Ну, в чем тут дело? Совершенно ясно, как строить. Вот как он подходит. Этим самым он не учит строить Советскую власть, а вводит только в заблуждение.

Казак несколько стыдится отсталости, стыдится сказать, что у них иначе, потому что европеец его осудит. Работают вместе в Губкоме и Укоме и если он скажет такую ересь, что практически нам нужно иначе подойти, потому что у нас имеются родовые отношения и т. д., то европеец скажет, что ты не коммунист, ты не знаешь классовой борьбы. И казак боится это сказать, не хочет это сказать. А есть товарищи, знающие аул, но скрывающие действительные отношения, которые не ставят этот вопрос.

Владимир Ильич в своем письме (мне об этом один товарищ напомнил) к казакским коммунистам говорил, что суть заключается в том, что перед нами стоит вопрос не копировать, а учесть свои особенности и на этом основании построить Советскую власть».

Разберем господствующие взгляды на этом счет. Сводятся они примерно, к тому, что в *современном казакском ауле в общественных отношениях первенствующую роль играют не родовые, а чисто классовые моменты*; что касается родовых отношений, то они постепенно, но неуклонно изживаются, как не отвечающие росту теперешнего хозяйственного развития казакского народа и тормозящие это развитие. И если в повседневной жизни аула пережитки родовых отношений еще и сохранились, то сведись они только к роли орудия в руках эксплуататорских элементов.

На чем основаны все эти выводы? Перечислим вкратце основные моменты соответствующей аргументации. Оказывается, что до прихода русских завоевателей казаки вели исключительно кочевой образ жизни и родовые отношения *потому* существовали в полной мере. Затем постепенно начался переход к зерновому земледелию, *следовательно*, родовые отношения начали разлагаться. Последнее усугубилось воздействием проникновения торгово-ростовщического капитала. Наконец, события 1916 года, голод 1917-19 г. г., повлекший массовый переход казаков (вследствие гибели скота) к зерновому земледелию. Далее, Октябрьская революция внесла «огромные» изменения в характер общественных отношений казаков, при чем произошло это именно в результате земельной политики и хозяйственного воздействия Советской власти. Немалую роль сыграл как рост и оживление промышленных центров, так и увеличение в производственных предприятиях удельного веса казаков рабочих и т. д. и т. п.—все в том же духе.

Отсюда вывод—нужно, конечно, учитывать родовые пережитки, но ни в коем случае их нельзя «раздувать», ибо переоценка родовых моментов не только, мол, искажает правильное понимание действительного положения в ауле, но даже ухудшит последнее, ибо..... «реставрирует» отжившие родовые отношения (буквально!).

Дальше ехать, как говорится, некуда. Само собой разумеется, нельзя отказать в известной основательности всех этих соображений. Особенно, если взять явления в «исторической» перспективе. Но ведь вся суть вопроса заключается в необходимости наметить какую-то *совершенно конкретную политическую и хозяйственную линию уже на*

ближайший период времени. И вот с этой точки зрения указанная выше постановка вопроса не только в корне ошибочна, но *прямо вредна*. Сводится она именно к указанию, будто разложение родовых отношений происходит естественным нормальным порядком, идет *само по себе*.

Одним словом—полное благополучие, благополучие в том отношении, что стихия естественно-развивающихся процессов социального и хозяйственного развития казакского аула как-будто идет нам навстречу. И невольно напрашивается следующий, весьма опасный, вывод: сама «история» сделает за партию и Советскую власть их дело, если и не полностью, то в значительной мере.

Ясно, при таком взгляде, что «уклон» в сторону «переоценки» опаснее, нежели в сторону «недооценки» родовых отношений.

XI. Об одной особенности административного устройства казакского аула.

Относительно роли «зернового» земледелия, «оседлости» и, отчасти, торгового капитала я уже привел выше некоторый документальный и потому достаточно объективный материал. Остановлюсь теперь только на одном, также достаточно распространенном, «аргументе». Это—роль, в деле изживания родовых пережитков, принципов, введенных еще царизмом и неуклонно соблюдаемых и ныне, низового административного устройства. Оказывается, видите ли, что политика по части «смещения» родов, в порядке соединения их в одну административную единицу, способствовала изживанию родовой разобщенности!

Что же, рассмотрим на первом попавшемся под руку примере современное административное устройство казакского аула.

Обратимся к 9-му приложению к настоящей статье. Здесь мы видим, напр., что Терен-Узьякская (отмеченная на карте цифрой 3 в большом кружке) и Кара-Узьякская (4) волости расположены в порядке взаимной чередности, т. е. сперва, на юге, находится часть Кара-Узьякской волости. Севернее к ней примыкает часть Терен-Узьякской волости. Затем опять идет Кара-Узьякская волость и, наконец, вновь Терен-Узьякская. Чем это объясняется?—Все теми же родовыми отношениями, тем, что чередполосно расположенные две родовые группы не пожелали, в силу существования и *теперь* родового угнетения, объединиться в одну территориально-целостную волость, и предпочли образовать две, не отставившись перед чередполосностью их—зато родовые группы сохранили административную обособленность. Цель этого: использование самим населением *единственно* доступного ему способа *ослабить* родовые противоречия.

Так было до укрупнения волостей 1925 года, когда из всего данного района образовали лишь одну волость, включив в нее не только обе эти прежние волости, но кроме того еще две, находившиеся еще севернее (Байзакскую и Джаллапашскую). Таким образом, укрупнение, естественно, *данную* ненормальность механически устранило.

Но возьмем современное положение. Обратим внимание на расположение административных аулов хотя бы на №№ 24, 25, 26, 27, 30, 31. И везде одно и то же—лишь только оказывается, что интересы какой-либо родовой группы могут быть нарушены соблюдением принципа построения низовых административных единиц по признаку сплошной территории и, следовательно, смешения родовых групп, сейчас же происходит чередполосица. Мало того, и конфигурация (взаимное расположение) большинства других, более «благополучных», административных аулов вызывает полное недоумение. Почему, спрашивается, 20, 24 и 21

административные аулы не соединены только в одну единицу? Ответ—по соображениям родового порядка.

Но иногда положение вещей бывает еще более сложно. Например, несколько административных аулов Курган-Тюбинской волости Ташкентского (Казакского) уезда находятся на территории северной части Кызыл-Ордынского уезда (т. е. административная черезполосица в данном случае перескакивает через целый уезд—Туркестанский).

Соответствуют ли хотя бы эти факты несколько легковесным рассуждениям иных товарищей? Всегда ли бывает, выражаясь словами известного поэта, что «тмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман» (в данном случае «самообман»)?

ХП. О некоторых директивах V-ой Партконференции и 2-го Пленума Крайкома ВКП (б).

Обратимся хотя бы к решениям высших партийных органов Казахстана. Основываясь именно на безконечном множестве таких фактов, V-ая Всеказацкая Партконференция отметила, что

«основным лозунгом должна быть «советизация аула», где необычайная слабость Советской власти создает господство родового начала и патриархальных отношений».

Отсюда, как одно из основных мероприятий, выдвигается необходимость

«провести районирование низовой административной единицы, способствующее разложению родовой ограниченности и приближению к населению».

Когда же 2-ой Пленум Каз. Крайкома ВКП (б) подвел итоги работе, сделанной после V-й Партконференции, то принужден был отметить следующее:

«Проведенные перевыборы Советов обнаружили, что в области проведения в жизнь этого лозунга парторганизациями никаких успехов еще не достигнуто (сравни с соответствующим местом приведенных выше рассуждений В. С.). На перевыборах господствующую роль играло байство (атка-мышеры), подчинившее себе все слои аула вплоть до аульного коммуниста. Это влияние обнаружилось и на некоторых уездных съездах».

Попрежнему в предвыборном периоде и на самих выборах господином положения был бай. Родовая борьба, подкуп, произвол подчинили себе всех от бедняка, середняка до аульного коммуниста, до уполномоченного от уездов. И это отразилось на уездных съездах».

Изучая причины этих явлений, Пленум особое внимание обращает именно на

«недоучет при организации советов родовых отношений, свойственных условиям кочевого, полукочевого скотоводческого хозяйства и недооценку экономического и политического влияния бая в ауле, «ибо» . . . бай строит свое господство не только на экономической зависимости от него, но и на бытовом укладе родовых отношений и всех вытекающих отсюда последствий. Бедняк в русской деревне гораздо легче может быть вовлечен в борьбу с кулаком, чем казакская беднота в борьбу с баем».

Таким образом, 2-й Пленум, учитывая всю важность и необходимость борьбы с байским засильем, одновременно указывает следующее основное направление методов этой борьбы:

«При подходе к аулу парторганизация должна в основном исходить из того положения, что отсталое кочевое и полукочевое хозяйство способствует сохранению родовых отношений еще на довольно продолжительное время, несмотря на то, что имущественные отношения уже индивидуализированы и что род, как хозяйственное целое, распался и уже значительно стесняет развитие производительных сил в ауле».

Игнорируя этот жизненный факт, мы даем возможность родовым главам и баям быть регуляторами родовых интересов и родовой борьбы, затуплять классовую борьбу и опрощать все наши лучшие положения.

V-ая Партконференция поставила эту задачу: «изучить особенности аула и его развития за последнее время, с целью установления метода выборов, обеспечивающего широкое участие масс и коллегиальное управление, осуществление прав бедноты вообще, и слабых родов в частности, не упуская, однако, из виду существующего и в слабых родах деления на бедноту и байство».

Эта директива не была учтена при перевыборах 1926 года. Действительность подсказывает тот вывод, что при учете родовых отношений, давая возможность бедноте и середняку организоваться внутри рода, строя органы Советской власти, обеспечивающие интересы бедноты и середняка внутри рода и в родовых взаимоотношениях, возможно парализовать родовую борьбу и роль бая в этом моменте».

ХП. Основные причины жизненности родовых отношений.

Попробую теперь несколько вскрыть те основные причины, которые в родовые отношения, по существу уже совершенно отмершие, вливают жизненное содержание.

Основная часть осложнений общественно-политической обстановки лежит, конечно, в земельных отношениях, последние же, в свою очередь, определяются тем неизлечимым кризисом, которым характеризуются формы казакского хозяйства. И безчисленные недоразумения на этой почве не только не разрежаются, но, наоборот, *продолжают накапливаться с каждым днем*.

При этом надо учесть, что размах подобных недоразумений в условиях казакского аула *значительно шире*, чем то может быть в русской деревне. Чтобы осознать это, достаточно представить хотя бы расстояния, которые проходят скотоводы во время своих нормальных кочевок, весьма часто выходящих за пределы не только уездов, но и губерний. Следовательно, и столкновения интересов в данном случае будут происходить по линии споров и недоразумений не только из-за призывочной территории, но и из-за пастбищ на всем протяжении пути кочевания.

Далее, стремление скотоводов центральной части Казахстана к переселению в более удобные в призывочном отношении районы, приводит к тому, что целью проживающих, напр., в южных частях Тургайского, Атбасарского, Акмолинского, Каркаралинского уездов является переселение в самые южные части Сыр-Дарьинской и Джетысуйской губерний. Таким образом, они давят, в первую очередь, на ближайших соседей, находящихся в северных частях этих губерний, вытесняют их с насиженных мест, тем самым заставляя их, в свою очередь, теснить население более южных районов.

Вторым моментом, порождающим неисчисленное множество недоразумений, являются отмеченные в главе IX *бытовые особенности*. Если последние и преследуют совершенно определенные положительные (с точки зрения родовых интересов) цели—закрепить связи между представителями различных родовых групп, то одновременно они сопровождаются огромным количеством отрицательных последствий. В основе всей системы этих связей лежит ничто иное, как *натуральный товарообмен*, ибо, как мы уже указали, то, что подарено одной стороной, должно быть рано или поздно возвращено в виде же подарка, другой стороной. Но, во первых, срок отдачи зависит от усмотрения обязанного его. Во-вторых, при исчислении того, что обязана вернуть другая сторона, учитываются и своеобразные проценты. Напр., если я подарил своему свату или „тамыр“-у в прошлом году кобылицу, а он отдарит меня только в будущем году, то должен это сделать уже в размере одной равноценной кобылицы и, по крайней мере, годовалого жеребенка.

Взять хотя бы калым, обычай которого соблюдается в ауле и теперь, если не в 100, то по крайней мере в 99% всех случаев браков. Происхождение его вообще объясняется той ценностью, которая представляет женская рабочая сила в отсталом пастбищно-скотоводческом хозяйстве. Отсюда, в основе и стремление к ранним бракам, и сватовство чуть не со дня рождения детей. Но, в результате ранних браков и непосильной нагрузки, смертность среди женщин гораздо выше, нежели среди мужчин. Таким образом, и явился недостаток женщин и необходимость покупки их, в форме уплаты за нее калыма. Дальнейшая же эволюция (вытекающая из постепенного изменения хозяйственных условий) этого обычая в основных чертах следующая. Отчетливость момента простой покупки начинает смягчаться взносами со стороны отца невесты отцу жениха. Это так называемые „балама“ (фактическое уменьшение размера калыма тем, что скажем, одна лошадь условленного калыма принимается за восемь), „кинты“ (подарки в период сватовства), „энче“ (приданое). У узбеков, напр., пошло еще дальше — размер калыма определяется в момент сватовства размером того приданого, которое отец невесты дает за своей дочерью. Наконец, у русских женщина отдается не только „даром“ но еще с приданым (приданое).

Казакки не дошли еще даже до той формы заключения браков, которая существует у узбеков. Но зато они уже вышли из стадии прямой покупки женщины. Сватовство обычно заключается между родителями еще совсем маленьких детей, и взаимные расчеты растягиваются на десятки лет, ибо, как мы уже указывали, и после заключения браков между сватями продолжается обмен подарками. В случае смерти невесты или жениха до брака, сватовство переносится на ее младшую сестру или брата и т. п.

Таким образом, получаются крайне запутанные отношения, значение чего усугубляется тем, что на натуральный товарообмен в порядке подобных „подарков“ идет *почти вся значительная доля бюджета казакского хозяйства*. Чтобы расчиститься двум сватам или „тамыр“-ам им обычно приходится прибегать к третейским судьям, вызывать свидетелей и терять дни и недели для подведения „балансов“.

Как разрешаются все эти недоразумения? Единственный „Кодекс законов“, действующий в ауле, заключается в так называемом „адате“, т. е. *только в праве грубой силы, в праве „кулачной“ расправы*. Когда иссякают все возможности защитить нарушенные права, или просто добиться чего-либо желаемого мирным путем, применяется „барымта“, т. е. ограбление скота с применением физического насилия.

В обстановке такого произвола и анархии отдельная личность слишком беззащитна, и потому нуждается в том, чтобы возможно большее количество людей могло, хотя бы кулаками, постоянно оказывать ей помощь в случаях необходимости. Последняя же слишком часто встречается в повседневной жизни аула. Можно сказать даже, что вряд ли найдется хотя бы одно казакское хозяйство, которое не выступало либо „ответчиком“, либо „истцом“ в каком нибудь споре!

Но на кого же надеяться, как не на своих сородичей? И чем многочисленнее последние, тем больше шансов на успех в предприятиях, будут ли они основаны на обороне, или на нападении.

Таким образом, можно сделать совершенно определенный вывод: жизнеспособность родовых групп, тем более таких, которые объединяются происхождением от предков, отдаленных от живых людей на 10—15 и больше поколений, а отсюда и вся совокупность родовых отношений, основана не на производственных отношениях, а исключительно на *крайней запутанности земельных, общественных и бытовых отношений*. Это

одно. И другое — система последних настолько сложна, что автоматически действовать ни в коем случае не может и требует *особого регулирования*.

XIV. Происхождение «родовой администрации».

Кто же этим занимается? Ясно, как об этом сказал 2-й пленум, что не партия и не Советская власть, и именно потому, что по сих пор родовые моменты ими во внимание не принимаются. Следовательно, непосредственная регулирующая роль в этих явлениях остается за своеобразной «родовой администрацией», т. е. за так называемыми «атка-мынерами».

Что представляют последние? По своей идее, по существу совершенно нормальной, положение рисуется в следующем виде: общее собрание населения аула-кстау решает все вопросы внутреннего распорядка. Но аул-кстау отнюдь не изолирован от окружающей жизни и должен постоянно сношаться с внешним миром по ряду вопросов. Последние же слишком многообразны, сложны и часты. Поэтому, если бы каждому хозяину пришлось самому всюду и всегда ездить, на это ушло бы так много времени, что не осталось последнего для собственной хозяйственной деятельности. Равным образом, крайне затруднительно устраивать, подобно русской деревне, сходки для разрешения вопросов общественного значения. Для этого слишком далеко разбросаны аулы-кстау и, кроме того, слишком часто пришлось бы их устраивать.

Отсюда вытекает необходимость наличия в каждом ауле-кстау своего «наркоминдела», по идее выбираемого населением аула-кстау и осуществляющего *все сношения последнего с внешним миром по всем вопросам*. Это и будут указанные «уполномоченные», в разных районах именуемые по-разному, напр., атка-мынерами, аксакалами, джигит-агазами и т. п. Составляют они, как правило, из самых активных, развитых и энергичных хозяев, т. е. представляют, в этом отношении, тип *общественников*, выполняющих действительно общественно-полезные функции. И ничего не значит, что само существо последних не укладывается в привычные нам по русской деревне понятия.

Деятельность атка-мынеров заключается, например, в следующем:

- 1) Регулирование хозяйственно-земельных отношений.
- 2) То же самое в отношении недоразумений на бытовой почве, т. е. тех расчетов, которые происходят, напр., между сватями, «тамыр»-ами и т. д.
- 3) Изыскание способов к возвращению украденного скота.
- 4) Организация защиты и нападения при «барымте».
- 5) Связь с органами власти и со всеми приезжающими в аул, по всяком деле, советскими работниками и т. п. и т. д.

XV. Уголовное скотокрадство и «барымта».

Остановимся несколько на вопросе уголовного скотокрадства и «барымты», ибо последние особенно ярко рисуют всю необычайную сложность и своеобразие родовых отношений.

Скотокрадство в казакском ауле является столь массовым явлением, что хозяйственное значение его вплотную подходит к последствиям «джутов», эпизоотий и волков. Однако, казакское население, как правило, не ищет помощи от розыскных органов и суда. Причина этого лежит не столько в недостатке их сети и отсюда в перегрузке делами, как именно в непригодности к родовым условиям всей существующей системы розыска, следствия и судопроизводства. Поэтому казаки принуждены принимать исключительно собственные меры и розыска, и возвращения украденного.

Производится это следующим образом. После обнаружения кражи потерпевший, совместно с группой сородичей и, конечно, аткамынером, пускается на розыски по следам. (Между прочим—казаки превосходные «следопыты», а помимо того существуют и специалисты этого дела). При благоприятных условиях они, наконец, добиваются до того аула-кстау, куда пригнали украденную скотину.

Но обычно вор учитывает это обстоятельство, и оперирует настолько далеко от своего местожительства, да, кроме того, столь тщательно запутывает следы, что они теряются в степи. Но дело потерпевшего еще не погибло. Пускается «сузун-кулак» (в переводе «длинное ухо», т. е. слух), что у такого-то, тогда-то украдена, скажем, лошадь с такими-то приметам.

Трудно вообще проехать по степи и никого не встретить. А это означает длинный разговор, в котором каждый из беседующих должен сообщить свою, по крайней мере, краткую биографию и самым точным образом сообщить, где проживает и к какому роду, колену, поколению и т. д. принадлежит. Наврять же в последней части слишком трудно, настолько велика осведомленность казаков в таких вещах. Таким образом, след остается, а у каждого казака превосходно развита зрительная память, особенно на приметы скота . . .

И вот, рано или поздно (проходят иногда целые годы), этот свидетель («айгах») узнает, что там-то, тогда-то была украдена лошадь с такими-то приметам, и, естественно, вспоминает свою встречу. Немедленно направляется к потерпевшему и, получив «чуинчи» (вознаграждение за радостную весть), дает все необходимые сведения.

Потерпевший, опять-таки совместно с аткамынером (или же поручает все дело последнему), розыскивает заподозренного и требует от него возвращения украденного. Если обвиняемый не сознается, то потерпевший предлагает одному из наиболее уважаемых его сородичей (конечно, опять-таки аткамынеру) дать за последнего «куман» (присяга—посрочительство, применяемая вообще во всех случаях споров, когда отсутствуют свидетели, или же в показаниях последних создается не разрешимое противоречие). Тот просит дать ему известный срок, тщательно проверяет достоверность улик, а затем решает, можно ли принести «куман». Если нет—обвинение считается доказанным и заподозренный должен вернуть не только украденное (или его стоимость), но и все расходы, понесенные по розыску (в частности и «чуинчи»). Предположим, он отказывается. Тогда на него и его сородичей потерпевшая сторона старается оказать необходимое воздействие, сперва добром. Привлекаются, в качестве нейтральных посредников, аткамынеры и других родовых групп.

И лишь после того, как попытки договориться мирным порядком терпят неудачу, потерпевший с помощью своих сородичей и под руководством все тех же аткамынеров организует против обидчиков «барымту». Характерное всего здесь то, что последняя применяется отнюдь не против непосредственно самого вора. Объектом ее будут именно сородичи последнего. Бывают, например, даже такие случаи: родовая группа «Джалаир», проживающая в Аулие-Атинском уезде производит «барымту» не против тех «Аргын», которые являются непосредственными виновниками кражи и проживают в Каркаралинском уезде, а против «Аргын», живущих в . . . Алма-Атинском уезде. И с точки зрения родовых откошений это вполне закономерно: и те, и другие принадлежат к роду «Аргын»! Нужды нет, что родство между теми и другими заключается в 25-ом колене—самое главное здесь то, что настоящие виновники живут слишком далеко, а, следовательно, остается искать приложения своей расправе где-нибудь

поближе. Однако, и Алма-Атинские «Аргыны» могут не остаться в долгу и, в свою очередь, устроить барымту по отношению «Джалаир», населяющих уже Талды-Курганский уезд . . .

При таких условиях естественно, что сами сородичи обвиняемого, даже весьма отдаленные, принуждены, в силу столь реальной круговой родовой поруки, воздействовать на него. Подчас они даже принимают на себя часть причитающейся с него к уплате суммы—в противном случае это может обойтись гораздо дороже. Равным образом, довольно рискованно давать ложный «куман», ибо в случае обнаружения последнего в дальнейшем могут получиться весьма неприятные последствия—невозможность защититься даже в случаях действительной невинности.

Таким образом, даже такие, вытекающие из всей совокупности родовых отношений, явления, как «куман» и «барымта», а также и вездесущие аткамынеры, играют определенную положительную роль. Иначе в казанском ауле была бы уже совсем анархия и сплошной разбой. Но тем нагляднее они доказывают одновременно и необычайную слабость партийного и советского влияния в ауле. И происходит это опять-таки в силу нашей неприспособленности к особенностям аула. Ведь самое большее, что достигнуто до сих пор, это издание декрета о тех репрессиях, которые должны применяться к виновным в «барымте». Но где же остается аулу искать соответствующие его бытовым особенностям способы регулирования своих взаимоотношений? Что мы дали ему взамен тех правовых норм, которые ныне сосредотачиваются, в конечном итоге, в «барымте»?

При этом несомненно одно: у подавляющей массы казанского населения имеется совершенно оформленное стремление к установлению твердого государственного и, именно советского, порядка. И это понятно—«барымта» (олицетворяя в последней всю совокупность кулачного права, господствующего в ауле) является палкой о двух концах: если с ее помощью можно защищать действительно несправедливо нарушенные права, то одновременно ее можно применять и для угнетения более слабых. И, обратно, поскольку для применения «барымты» нужна реальная сила, то может ли рискнуть использовать данный способ защиты нарушенных прав малочисленная, и потому слабая, родовая группа?

XVI. Низовой советский аппарат.

Какую же роль во всех этих явлениях играет низовой партийно-советский аппарат? Еще царский сенатор граф Пален, производивший (в 1909 году) ревизию Туркестанского генерал-губернаторства, указывал:

„Так как избрание должностных лиц производится по большинству голосов, то всю власть захватывает наиболее многочисленная родовая группа, обращая родовое меньшинство в совершенно безправных людей . . . Сильнейшая родовая группа, во главе с выборной родовой администрацией, всечески эксплуатирует членов других менее многочисленных родовых групп“.

Добавить к этому, собственно говоря, нечего, хотя речь и идет об ауле, в котором скоро уже девять лет, как существует советская власть. Переменились названия, вместо аульного старшины и волостного управителя появились председатели аулсоветов и волкопунктов—однако—и то население весьма часто называет последних по старому. Существо же осталось без изменения, т. е. низовые органы власти по прежнему играют только одну роль—орудия родового угнетения, да еще, пожалуй, передаточных инстанций для распоряжений, идущих к населению от высших органов власти.

И в самом деле, чем им еще заниматься, когда не только те положения, на основании которых они действуют, но и сама система их

построения совершенно не укладываются в рамки реальной жизни? Решающую же роль в регулировании последней играют именно аткамынеры. Отсюда и получается та типичная картинка выборной кампании, которую столь живописно и верно рисует тов. Елеукенов (Советская Сталь от 22 декабря 1925 года):

Приезжают в какой-нибудь аул уполномоченные избирательной комиссии и предлагают аулсовету собрать всех граждан аула, пользующихся избирательным правом, для проведения выборов в данном ауле. Председатель аулсовета, вместо того, чтобы оповестить избирателей, приглашает влиятельных представителей отдельных родов (конечно из числа аткамынеров), которые собираются и, посоветовавшись между собой, выдвигают кандидатов на пост председателя и секретаря Совета, строго соблюдая при этом принцип опередной передачи власти по родам. Одновременно председатель аулсовета докладывает уполномоченному избиркома, что собрать всех избирателей нельзя ввиду разбросанности аула на громадное расстояние и невозможности прийти им пешком, ввиду отдаленности сборного пункта и т. п. Одним словом, находит мотивы, с которыми уполномоченный поневоле соглашается и, в конечном результате, собравшись восемь-девять лиц решают судьбы всего аула.

Такая же форма выборов практиковалась и в волостном масштабе (до укрупнения волостей). Массовое и активное участие избирателей в первыборах бывает в тех случаях, когда в ауле или волости существует сильная группировка на почве захвата власти, часто возникающая на почве неправильного распределения должностей, т. е. при несоблюдении порядка очередной передачи власти по родам.

Заметим в скобках (как добавление к сказанному в главе X), что редакция указанной казахстанской руководящей газеты сочла своим долгом сделать к этой статье следующее безоговорочное замечание:

„Редакция не согласна с утверждением тов. Елеукенова. Картина выборов, которую он рисует, не является общей для всех аулов“.

Добавим со своей стороны, что статья эта появилась уже после (!) того, как в этой же газете была опубликована приведенная выше революция V-ой всеказахской партконференции по этому же вопросу.

XVII. Анти-общественная роль аткамынеров.

Если нельзя отрицать за деятельностью аткамынеров известных положительных моментов—ведь „на безрыбьи и рак—рыба“,—то отрицательных, естественно, неизмеримо больше. Произошло полное перерождение „родовой администрации“, представителями которой они и являются. Одной из решающих причин этого явилось следующее обстоятельство.

Каждый аул-кстау имеет своего аткамынера. Но во взаимоотношениях высших родовых групп, естественно, нет нужды с каждой стороны участвовать им всем. Выступают от имени всего объединения обычно *лишь один*, много два, аткамынера.

Таким образом, среди самих аткамынеров создавалось весьма своеобразное иерархическое разделение, ступени которого располагаются в последовательности, определяемой списанными в главе VIII постепенным разветвлением родового устройства казахов. Естественно, что чем выше положение аткамынера, тем меньше у массы возможности контролировать его действия.

Поскольку же, как то мы уже рассмотрели выше (см. главу XIII), сама логика родовых отношений неизбежно приводит к борьбе именно высших поколений, а не порознь самих реальных (ибо под ними имеется и хозяйственно-земельное обоснование), в лице первичных родовых ячеек, т. е. аулов-кстау, то и решающую роль в общественно-политической жизни аула играют именно те аткамынеры, которые выступают от имени высших родовых групп.

И это означает, что казахская масса, поневоле вынужденная пользоваться помощью таких аткамынеров, совершенно лишена возмож-

ности контролировать их деятельность. Вся суть положения заключается не столько в пассивности и некультурности массы, как именно в организационной невозможности для масс осуществить свои права, не только определяемые всей системой построения советской власти, но и теми элементами демократизма, составляющими значительную долю подлинных родовых отношений. Что это так, совершенно ясно вытекает из всего данного выше анализа общественно-политической жизни аула.

Всякому, ведь, известно, какими последствиями сопровождается отрыв от масс органов управления, хотя бы и выборных. И в данном случае неизбежно произошло полное разложение этого, столь естественного для данной обстановки, аппарата, перерождение всего слоя активных аульных общественных деятелей в высшей степени анти-общественную, прямо контр-революционную, силу.

Поскольку же самый факт существования аткамынеров, и, тем более, степень их влияния прямо пропорциональны остроте родовых противоречий, то в интересах аткамынеров поддерживать и разжигать последние. Неделями и месяцами раз'езжают они по степи, в честь их устраиваются пиршества, их «труды» щедро оплачиваются подарками... Для иллюстрации приведем, например, такой характерный штрих.

По основному правилу кровных уз, связывающих род, убийство члена последнего влечет за собой со стороны сородичей «кровную месть», т. е. обязанность, в свою очередь, убить убийцу или кого-либо из его ближайших сородичей—«око за око, зуб за зуб». При известных условиях, сородичи убийцы могут откупиться так называемым «куном», при чем этот обычай постепенно выливается исключительно в форму последнего. Также обстоит дело и у казахов. Смысл «куна» заключается в обеспечении вдовы и детей убитого. Но на деле происходит иначе. Лишь самая незначительная часть «куна», по своему размеру очень большого, поступает в пользу семьи убитого, остальное же распределяется между двумя-тремя «высшими» аткамынерами, считающими себя, видите ли, носителями «чести» всего рода, запятнанного убийством его члена!

Доходность этого звания весьма велика. Отсюда, повторяю, неизбежно произошло разложение аткамынеров всех степеней, вплоть до тех, которые представляют непосредственно и только от аулов-кстау. В этом одна из причин вакханалии произвола, лихоимства, поборов и взяточничества, характеризующей казахский аул, ибо она весьма выгодна аткамынерам.

Иллюстрируем это примером. Предположим, в волость приезжает уездная комиссия по учету объектов обложения единым сельхозналогом. Население, естественно, стремится к укрытию их. На сцене появляются «ангелы-хранители»—аткамынеры, обещающие устроить это дело без всякого труда, тем более, что не может же комиссия раз'езжать по всем аулам-кстау, население последних также не может съехаться в одно место, где остановилась комиссия, и потому необходимые ей сведения за все население придется давать им же, т. е. аткамынерам. Затем они съезжаются к комиссии. Если члены ее сами не потребуют взятки, то их качкают усиленно соблазнять на получение последней, хотя бы в виде подарка (например лошадей, баранами), угощения и т. п. Какая же выгода от этого аткамынерам? Самая определенная—взятка будет распределяться между всем населением, при этом в удвоенном, а то утроенном и больше размере.

Все зависит от того, как договорятся аткамынеры, ибо население, ведь толком не знает, сколько на самом деле дали комиссии. Иналишек, конечно, остается в пользу аткамынеров всех рангов. Даже в том слу-

чае, когда комиссия оказалась вполне добросовестной, все равно будет произведена раскладка: настолько привыкло население к необходимости платить поборы и взятки.

Таким махинациям весьма способствует и система сборов с населения. Производить раскладку по каждому случаю было бы слишком хлопотливо. Поэтому побор в данный момент целиком уплачивает какой-либо атка-мынер или бай, а один или два раза в год производится раскладка среди населения на всю накопившуюся сумму, при этом уже с процентами в пользу ссудившего. Порядок раскладки: сначала между основными родовыми группами, в последних последовательно между отдельными их поколениями, затем между аулами-кстау и, наконец, уже внутри последних. И на всем протяжении такого постепенного распределения подлежащей уплате суммы часть ее непрерывно прилипает к карманам атка-мынеров. Надо только отметить, что последний момент тщательно скрывается и вся вина целиком сваливается на работников, присаживающих из «уезда». В свою очередь, соответствующая категория последних, не отрицая самого факта поборов в ауле, указывает на роль атка-мынеров.

Получается заколдованный круг, но построен он именно на взаимной увязке интересов аульных, волостных и еще более высших рангов атка-мынеров. Если советский чиновник, приехавший в аул из уезда или губернии, не может без помощи аульного и волостного атка-мынера собрать взятку, то и обратно-последним очень трудно ободрать население без помощи первых. Слишком еще сильны для этого традиции родовой демократии.

ХУІІІ. Классовые моменты в казакском ауле.

Но главная причина чудовишного искажения природы и характера деятельности атка-мынеров заключается в том, что в основе современных производственных и имущественных отношений лежат именно *классовые моменты*, независимо от того, в какой степени их политическое проявление извращается и заглушается родовыми отношениями. Равным образом ничего не значит, что *преобладают докапиталистические формы эксплуатации*: от этого она становится только тяжелее, а объекты ее — беспомощнее.

Хотя аул-кстау и представляет группу ближайших родственников, тем не менее составляющие его хозяйства, как правило, по своей экономической мощи весьма неоднородны. Последнее проявляется настолько отчетливо, что даже по одному аулу-кстау можно судить о характере классовой дифференциации казакского населения в целом — здесь, как правило, будут и бедняки, и середняки, и бай.

Бедняк жестоко эксплуатируется и в своем ауле-кстау. Если, с одной стороны, он нужен баю и атка-мынеру в процессе родовой борьбы в качестве родственного «пушечного мяса», и потому ему оказывается в некоторой степени помощь, то одновременно последняя дается в таких формах, что обычно превращается в прямую эксплуатацию. Самый любимый прием последней — «уртачество» (у узбеков именуется «чайрикерством»), т. е. заключение между двумя хозяевами такого договора: один дает дойных коров, инвентарь и семена, а другой выполняет всю совокупность работ по посеву (если в расчет входит земля, то и это принимается во внимание при заключении условий). Урожай делится, напр., пополам. Кроме того, уртаку весьма часто приходится выполнять ряд других работ на другую сторону — косить сено, строить загон для скота и т. п. Таким образом, того, что в конечном итоге достается

ему, в лучшем случае хватает только на пропитание, без всяких надежд на развитие своего хозяйства.

И даваться бедняку буквально некуда. Если он уйдет из своего аула-кстау, то это значит попасть в состав чуждой родовой группы и сделаться «кериэ», т. е. совсем безправным, терпимым только из милости и потому особенно жестоко эксплуатируемым человеком. Если *не легко* и в своем ауле-кстау, в своей первичной ячейке, то вне ее *еще хуже*. В частности, «уртачные» условия с хозяином другого аула-кстау, а тем более еще более удаленной родовой группы, будут гораздо тяжелее, чем в том случае, когда они заключаются с ближайшим сородичем из своего же аула-кстау.

Взять хотя бы такую отрасль приложения наемного труда, как пастухи. Это только на первый взгляд — простое дело, на самом же деле весьма ответственное, тем более в условиях казакского хозяйства. И что всего характернее, близкие сородичи, не только из своего аула-кстау, но и из ближайших по родству, в пастухи, как правило, не берутся. Расчет здесь самый простой: если пастух окажется недобросовестным или ленивым, и скот погибнет, то убыток останется целиком на плечах хозяина, ибо с своего сородича-бедняка ничего не взыщешь. Другое дело, если пастух принадлежит к составу другой родовой группы: тут можно применить и «барымту». Отсюда сложилась следующая обстановка: когда нанимают пастуха, то берут его *только из другого рода*, при чем требуют поручительства (иногда даже письменного) от кого-либо из достаточно влиятельных его сородичей, т. е. тех же атка-мынеров. Вывод — *без последних не обойдешься и здесь*.

Таким образом, бедняк кругом опутан существующей системой родовых отношений, последние же создают особенно благоприятную обстановку для эксплуататорских элементов. Атка-мынеры здесь играют не только косвенную роль-способствованием сохранения родовых отношений, но и самую непосредственную: выполняя свои посреднические функции при разрешении каких-либо недоразумений между бедняком и баем, они неизбежно становятся на сторону последнего, при этом строго оформляя свое решение «адатом». Ведь ясно, что последний «что дышло, куда повернул, туда и вышло», атка-мынеры же, не говоря уже о том, что большинство их по своему социальному положению является теми же баями, — играют служебную, подчиненную последним, роль в такой же степени, как и правительственный аппарат интересов господствующих классов где-нибудь в буржуазном государстве.

Что касается середняка, то это еще совершенно неизученная в условиях казакского аула величина. В отношении его с уверенностью можно сказать только одно — на него не меньше, чем на бедняка, давят родовые отношения, а отсюда и зависимость от баев и атка-мынеров. Это и понятно. Средняк по своей природе является весьма старательным хозяином, всецело погруженным в интересы своего хозяйства. Первобытность техники последнего ставит его в такую зависимость от стихийных сил («джут», эпизоотия, волки), что озабоченному судьбой своего стада середняку просто не остается времени на «политику».

Но от проявлений последней он, конечно, не свободен. Победила его родовая группа — можно более или менее спокойно хозяйствовать. Почему? Потому, что бай и его «правительственный» аппарат, в лице атка-мынеров, ведет весьма реальную политику: не только не ссорится с середняком (конечно только *своей* родовой группы), но и старается по мере возможности иметь его *своим союзником*. Но вот победила, скажем, на выборах в аулсовет или волостном враждебная родовая группа. Тогда беда, *вся тяжесть* взяток, поборов, несправедливого регулирования зе-

мельных и бытовых недоразумений ляжет *именно на середняка* побежденной родовой группы. И это понятно. С бедняка в *этом* отношении ничего не возьмешь: он сам пытается только крохами со стола бая. Что касается последнего, то верховным распорядителем вопросов, касающихся внутренних взаимоотношений данной родовой группы, будет именно он, хотя бы и посредством подчиненного ему атка-мынерского аппарата и потому, ясно, сам себя обижать не станет!

Таким образом, хотя середняка родовые отношения крайне стесняют, однако он просто силой вещей заинтересован в господствующем положении своей родовой группы, а отсюда вытекают его самые активные и горячие выступления в самые критические моменты родовых противоречий, когда тайная дипломатия атка-мынеров уступает место силе оружия или кулаков (а также «голосов» — при выборах).

Между тем, 2-ой пленум Казкрайкома ВКП (б) *совершенно правильно* отмечает следующее:

«Ошибочным было бы решение вопроса о борьбе с байским засильем без установления правильного отношения к среднему крестьянству в ауле. Средняк стеснен в своем развитии родовыми рамками, стремится к высвобождению из них и на этом пути пойдет вместе с беднотой против байства».

Вывод здесь, как и вообще при всяком практическом подходе к аулу, может быть только один — прежде всего и самым тщательным образом учесть и изучить те конкретные особенности родовых отношений, которые мешают бедняку и середняку пойти по этому пути, и уже *отсюда* провести ряд соответствующих мероприятий.

XIX. «Далдал».

Несколько остановлюсь теперь на одном весьма важном моменте: роли *торгового капитала* в характере родовых отношений. В этом вопросе у слишком многих товарищей создались представления, совершенно искажающие действительность. Проистекает это, опять-таки, либо из привычных представлений о русской деревне, либо из попыток применить к жизни аула отвлеченные теоретические схемы.

По существу совершенно правильно, конечно, утверждение, что возникает и развивается казакский национальный частный торговый капитал, и что это оказывает, в *конечном итоге*, сильнейшее влияние на характер и самый факт существования родовых отношений. Но ограничиться такой схемой, значит идти по стопам тех «исследователей» казакского аула, которые спасение от родовых отношений видят то в «зерновом земледелии», то в «поселковой оседлости». В данном случае, как и всегда и везде, следует соблюдать *основное правило большевизма* — не только применяться к конкретным особенностям обстановки, но и брать *последнюю в полной совокупности всех составляющих ее сил*.

Здесь не место для исчерпывающего анализа форм и возникновения вообще национального туземного торгового капитала в отсталых странах, являющихся колониями и полуколониями капиталистических государств. Для нашей цели достаточно будет отметить лишь одну особенность, скажем, Китая.

Английский, французский и вообще всякий чуженациональный капитал в первую очередь рассматривает последний, как рынок для сбыта промышленных товаров и источник приобретения производимого там сырья. Но соответствующим торговым фирмам, не знающим местного языка и вообще всех особенностей страны, крайне трудно, подчас совершенно невозможно, производить торговые операции непосредственно, с помощью сотрудников-европейцев. При этом сельское население вообще неособенно дружелюбно относится к последним. Остается, следовательно, действовать через контр-агента, т. е. посредника, а *именно китайца*.

Последний работает на процентах и держит себя вначале очень скромно. Но, по мере того, как у него заводятся денюжки и накапливается торговый опыт и знание своего дела, он становится требовательнее к своему «работодателю», и уже не согласен ограничиваться прежним скромным заработком. Затем процесс накопления средств идет все быстрее и быстрее и, в результате, из незаметного, работающего, что называется, «на ходу», посредника, он становится главой целой посреднической конторы. Последние объединяются в компании, превращаются, благодаря накоплению в необходимом размере оборотных средств, уже в самостоятельные торговые предприятия, закупающие у иностранных фирм известные товары и торгующие ими на собственный риск и страх....

Что мы видим в этом отношении в Казахстане? Достаточно большое, по крайней мере, в основных чертах, сходство. Проникает сюда чуженациональный частный капитал — с севера татарский, с юга узбекский (в основном). Непосредственно развернуться торговцам весьма трудно, прежде всего потому, что казаки их весьма не любят. Достаточно указать, что потомство татар и узбеков, получившееся в результате непрерывного скрещивания последних с казачками, занимающееся кочевым скотоводством, ничем решительно не отличающееся от казаков — все же считается только «чала-казаками» (т. е. «ублюдками») и отношение к ним, построенное на родовых моментах, весьма отрицательное.

Отсюда на сцене появляется *казак-посредник, именуемый «далдалом»*. Это будет, конечно, *тот же аткамынер* аула-кстау, расположенного недалеко от базарных центров и, дополнительно к прочим своим занятиям, присваивающий еще одно (конечно, *тоже* не бесплатно). Ему весьма благоприятствует полная неуверенность, которую чувствует на базаре, и в чуженациональном городе вообще, аульный казак, не решающийся самостоятельно продать барана или купить аршин бязи. Отсюда та бесконечная цепочка посредников, которая столь характерна для товаропроводящих каналов и методов заготовки сырья.

Но «далдал» идет дальше: он не только устраивает торговые сделки между аульным казаком и городским частным торговцем, госорганом и кооперативом (быть может, являясь контр-агентом или прямо штатным сотрудником второго или председателем правления третьего). Он в десятки раз изворотливее любого маклера на Московской «черной бирже» или Сухаревке, — вернее сказать, он во столько раз лучше знает и использует обстановку аула, нежели наши чудовищно громоздкие и неуклюжие государственные торговые, заготовительные и кооперативные организации.

Поэтому он берет на себя *посреднические функции и в тех делах, которые имеют аульные казаки в советских учреждениях* — финотдел, земотдел, народный суд и т. д. и т. п. Само собой разумеется, «далдал» более или менее хорошо знает русский язык и подчас имеет в кармане партбилет или карточку члена союза «Кошчи». В результате происходит даже некоторая своеобразная *специализация «далдалов»* по различным отраслям как торговли, так и деятельности советских учреждений. И чтобы убедиться, насколько это сообщение основано на истине, никакого специального исследования не нужно — достаточно, находясь в городе, обратить внимание на *спутников* тех действительно аульных казаков, которые толкуются в соответствующих учреждениях....

Надо отметить и здесь всю ту же характернейшую особенность казакского аула: житель последнего идет к «далдалу» не вообще — он обращается только к такому, который *возможно ближе стоит к нему в родовом отношении*. И после всего сказанного на данную тему, удивляться этому не следует.

Во что превращается, в конечном итоге, «далдал»? Куда вкладываются накапливаемые им средства, величину которых можно определить из того, что размер вознаграждения подчас достигает 20-25% стоимости всего проданного и взамен купленного аульным казаком?

И здесь характернейшая особенность Казакстанской обстановки: «далдал», как правило, имеет в своем ауле-кстау собственное хозяйство, которое непосредственно ведет его, скажем, отец, брат или сын. Все средства идут сюда, при этом на приобретение именно скота. Следовательно, его хозяйство становится в основе *скотоводческим* и кочует по всем правилам последнего. Это обстоятельство необходимо не только познать, но и учесть во всех своих теоретических построениях по части определения конкретных форм возникновения и развития казакского частного торгового капитала.

Когда «далдал» накопит свои средства в таком размере, что операции по базарным операциям станут для него слишком мелкими, он принимается за более крупные дела. Теперь он становится баем «алыб-сатаром» (скупщиком скота для перепродажи).

XX. «Патриархальный» бай и бай «капиталистического» типа.

В основном надо отличать две категории баев. К первой принадлежит именно общеизвестный «патриархальный» бай, почетный, в родовом отношении, человек. Это будет потомственный «родович»-аристократ, ибо не только он сам является самым обиходным атка-мыңером, но тоже звание имели и его отец, дед и т. д. Имеет он достаточное большое количество скота и хозяйство его организовано обычным для казака «диспотным» способом. Ведет широкий образ жизни, устраивает по всяким случаям жизни «тои» (празднества), «байги» (конские скачки) и сам на них ездит. Экспортирует сороличей и «керме» также обычным способом («уртачество»), имеет пастухов и т. д. и т. п. Одним словом, если сделать сравнение, основываясь не на внешних признаках, а на существе дела, он совершенно подобен русскому провинциальному дворянину-помещику дореформенной Руси.

Особенно напрашивается это сравнение, когда мы подходим к рассмотрению другой категории бая. Тип последнего уже диаметрально противоположен. Если продолжить сравнение, то его можно уподобить тому русскому «черноземному» кулачеству, которое выросло во всем известных дореволюционных миллионеров, вроде Саввы Морозова, Вакулова и т. п.

Материалом для появления этой категории бая будет именно указанный разжившийся «далдал», весь свой коммерческий опыт, смекалку и капитал пускающий на широкие операции по закупке и продаже скота. Своего скота у него хотя относительно и много, но может быть несравненно меньше, чем у первого, «патриархального», бая. Тем не менее, доход его в десятки раз больше.

Для примера возьмем обследованный экспедицией тов. Джандосова Меркенский район Аулие-Атинского уезда (т. е. юго-восточную часть последнего). Экономическое значение его, и именно в скотоводческом отношении, огромно. Всего в нескольких десятках перстах к югу на территории Киргизской Автономной Области находится долина горной реки «Сусамыр», представляющая идеальное летнее пастбище, могущее вместить буквально десятки миллионов баранов. Таким образом, условия для развития скотоводства исключительные. И, действительно, нам пришлось убедиться, что еще в 1924/25 году в количественном отношении скотоводство данного района, весьма сильно пострадавшее от «джута» 1917/18 г.г., уже перевалило за довоенную норму.

Но у этого района есть еще одно исключительное преимущество: долина реки «Сусамыр» одновременно является главнейшей скотопроектной дорогой для тех баранов, которые направляются на продажу в хлопководческую Фергану. И если учесть емкость, при этом непрерывно растущую, мясного рынка последней, обстановка Меркенского района обрисовывается особенно отчетливо. Скот отсюда весной перегоняется на «Сусамыр», пагуливается здесь за все лето, а осенью, перед закрытием перевалов, предназначенная для продажи часть его сразу направляется в Фергану (сами хозяева возвращаются домой уже по железной дороге).

Более того, весьма значительная, если не подавляющая, часть выбрасываемых на внешний рынок баранов Джетысуйской, Сыр-Дарьинской, и даже южных частей Акмолинской и Семипалатинской губерний (отчасти и северной части Западного Китая) сбывается именно в Фергану, конечно, не по железной дороге, а перегонном, и не государственными заготовителями, а частными лицами.

Но нужно отметить, что казакские бараны в Фергане имеют весьма различную расценку в зависимости от того, из какого района Казакстана они поступили.

Так, например, баран, поступивший непосредственно из Прибалхашского района Джетысуйской губернии оценивается, по крайней мере в два раза ниже Меркенского. Зависит это, прежде всего, от необходимости узбеку-перекупщику предварительно, в течение очень продолжительного промежутка времени, откармливать первого. Это значит не только дополнительные расходы, но и соответствующее замедление скорости оборота капитала. Меркенский же баран идет на перепродажу немедленно.

Таким образом, для многих скотоводов соответствующих районов представлялось бы крайне экономически-целесообразным, если бы их «джайляу» находилось именно на «Сусамыре». Но это совершенно невозможно в условиях сложившихся отношений и характера распределения по территории конкретных родовых групп: те из последних, которые заселяют Меркенский район, никого чужого через свою территорию не пропустят. И вовсе не потому, что ими руководят какие-либо ствлеченные родовые соображения. Дело здесь куда проще—выгоднее, ведь, перекупить за бесценок этот тощий скот, самим откормить его на «Сусамыре», а затем продать в тридорога в Фергане.

И именно эта *торгово-посредническая роль района явилась тем питательным бульоном, в котором возник и окреп тип «капиталистического» бая*. Размах операций его определяется на примере хотя бы одного такого субъекта, имя которого известно в том районе буквально каждому ребешку. Хотя, по понятным причинам, точно, с бухгалтерской точки зрения, данные и отсутствуют, но в основном положение следующее: имея каких-нибудь четыре или пять тысяч (сведения, конечно, не налоговые) своих собственных баранов, он ежегодно закупает и перепродает дополнительно еще до пяти тысяч баранов. Приобретает он их по 10-12 рублей, откорм на «джайляу» бесплатный, а продает в Фергане (опять-таки очередной серии перекупщиков, но уже узбеков) самое меньшее по 20-25 руб. за штуку. Предлагаю самому читателю прикинуть размеры чистой прибыли, остающейся этому баю!

Не безинтересна сама техника коммерческих операций. Лишь самую небольшую часть скота бай гонит на продажу сам лично, при чем основная цель поездки заключается в изучении конкретных, применительно к данному году, условий ферганского рынка. Остальное сбывается через «контр-агентов», т. е. таким образом: известному казаку отдается в кре-

лит, сроком месяца на полтора, сотня взрослых баранов. По истечении срока он должен вернуть двести штук молодняка. Последний подрастает в стадах бая, а затем пускается, в свою очередь, на продажу. Как сам бай так и его «контр-агенты» везут из Ферганы не деньги, а какие-либо хозовые в обиходе казака-скотовода товары и закупку нового скота производят путем товарообмена. Сама собой разумеется, решительно никакого улучшения в способах ведения своего хозяйства не имеется и у этого бая (разве только пытаются развести улучшенную породу лошадей, и то только на предмет конских скачек и т. д.).

Таким образом, приходится твердо установить факт не только наличия, но и быстрого развития казахского частного торгового капитала. В нем, правда, есть особенность: организатором его является не город по своему составу не казахский), а аульный бай. Но в основном положении это не меняет. Теперь спрашивается—какое влияние оказало столь быстрое развитие уже чисто капиталистических элементов на родовые отношения?

Теоретически последние должны были бы с той же быстротой распалиться. Однако, жизнь приводит удивительнейшие факты, никак не укладывающиеся в понятия «марксистской логики».

«Капиталистическому» бая родовые отношения не мешают, но, наоборот, они крайне благоприятствуют его развитию. Он не борется с ними, а широко использует. Более того, он сам пунктуальнейшим образом соблюдает во всем укладе своей личной жизни все родовые обычаи—устраивает «барымту» из-за неуплаты выкупа за жену его брата, после смерти последнего вновь вышедшую замуж («ажесир-дау»), берет и дает сам «куман», живет в обычном ауле-кстау и т. д. и т. п.

И характернее всего, в данном примере, то, что бай является *весьма интеллигентным человеком, получившим европейское образование*. Это обстоятельство лишней раз свидетельствует о том, что дело здесь отнюдь не в родовых *предрассудках* лично самого бая: от них он достаточно свободен, само собою разумеется.

Вся суть в факте, неожиданном для нас и прекрасно учитываемом баем: патриархально-родовые отношения при известных условиях проявляют необычайную способность приспособляться даже к своему антиподу, т. е. к капитализму. Изменения в характере их, конечно, все же происходят, но пока что лишь в направлении растеривания положительных сторон родовых отношений, и в жадном впитывании особенностей, свойственных чисто буржуазному обществу. Происходит нечто вроде «капитализации» родовых отношений, т. е. самое чудовищное извращение подлинной сути последних.

Возьмем хотя бы отмеченное кредитование своего «контр-агента»—последний *никогда* близким сородичем бая не будет, а обязательно принадлежит к достаточно отдаленной родовой группе. Почему? По тем же соображениям, по которым и пастуха (см. главу XVIII) нанимают из других родов, чтобы было бы с кого взыскать, в случае неисполнения принятого обязательства.

В результате Меркенский район в смысле размера родовых противоречий представляет *совершенно невиданную картину*. Правда, у них есть свои обычные, и потому более или менее естественные причины, в частности земельное утеснение на почве бурного процесса хозяйственного восстановления. Однако, при нормальных условиях, ничего выделяющегося из общей обстановки аула они не представляли бы. И если *родовая вражда приняла здесь особенно свирепые и непримиримые формы, то вина в этом лежит целиком на бая, необычайно широко использующем в своих интересах родовые отношения*.

Толкает же бая на последнее прежде всего его торгово-капиталистическая природа. Между различными баями развертывается *бешеная торговая конкуренция*, ибо каждый старается закупить возможно больше скота. Отсюда—борьба за получение аренды главного Меркенского и ряда других, второстепенных, базаров. Поскольку Аулие-Атинский коммунхоз сдает их в аренду только советским организациям, то последние овладеваются баем, и, в результате, происходят странные (только на первый, конечно, взгляд) вещи: волком союза «Кошчи» Аскаринской волости бешено борется на торгах, на которых сдается в аренду базар-с волкомом союза «Кошчи» Каракистакской волости. Дело в том, что *каждая из этих организаций построена по строго родовому признаку и за ними стоят конкурирующие бая*. Впрочем, могут использоваться и не только казахские организации: на глазах у нас в том же порядке, шла борьба между кооперативным объединением *чисто русских* инвалидов, с одной стороны, и казахской волостной организацией союза «Кошчи», с другой.

Но бая используют не только волостные партийные, советские, «кошчинские» организации. Влияние их идет гораздо выше. По существу они, в известной степени, ворочают всем уездным партийно-советским аппаратом. Поскольку же в последнем переплетается влияние конкурирующих баяв, вытекает столь характерное для Казахстана явление как «продолжающаяся групповая борьба, раздирающая парторганизацию по принадлежности к «вождям» (из резолюции V-ой партконференции).

И обусловлена она отнюдь не тем, что решительно везде сидят более или менее явные сторонники («идейные»—по родовым связям, или просто подкупленные) того или иного бая. В большинстве случаев положение объясняется значительно проще—будь ты хоть чистокровным русским, но если останешься нейтральным, а твоя должность может сыграть известную роль в группировочно-байско-родовой борьбе, то тебя немедленно уберут и хорошо еще, если не попадешь под суд (были годы, когда попадали и под расстрел).

В качестве заключительного и достаточно эффектного аккорда настоящей главы, приведем еще один документ (по существу являющийся темой самостоятельной статьи,) заключающийся в приложении 17-ом.

Как известно, узбеки являются вполне оседлым земледельческим (технические культуры—хлопок) народом. Социальные отношения их обычно определяются, как производное товарно-денежных форм хозяйства, т. е. как классовые в полном смысле этого слова. И в самом деле, процесс индивидуализации имущественных отношений зашел, в сущности говоря, еще дальше, нежели в русской деревне. Ибо, если формы землепользования в последней в большинстве случаев еще до сих пор сохраняют общинно-передельный характер, то у узбеков земля находится в абсолютной частной собственности и является предметом купли и продажи (пусть нелегально, в силу советских законов). Торговый капитализм находится на весьма высокой ступени развития и т. д. и т. п.

Не смешно ли говорить о существовании в подобной обстановке каких-либо родовых пережитков? И, действительно, только самые кропотливые исследователи узбекского киплака (поселка) обнаруживали, и то лишь в самых глухих закоулках, некоторые следы прошлого, а именно, известное знание узбеками своей родословной, но при этом, сейчас же оговаривались, что *решительно никакого практического значения этот момент не имеет*. Лично я берусь с этим утверждением спорить, и довольно убедительно, но это настолько сложная тема, что здесь ей не место. Теперь же ограничимся тем, что откроем «Материалы Всероссийских переписей 1920 года» (по Сыр-Дарьинской губернии, изд. ТуркЦСУ 1923 года). На странице 47-ой мы находим населенный пункт (самый

настоящий, а не условный, как „административный“ казахский аул) и одновременно самостоятельный сельсовет *Зенги-Ата*. На отр. 48-ой два кишлака: *Сары-Тепе* и *Янги-Аул*, составляющие один сельсовет (но с 1921 по 1925 год каждый из них имел самостоятельный сельсовет). Теперь посмотрите на указанный документ—приложение 17-ое, представляющее схематический план расположения усадеб всех этих трех отдельных кишлаков: обнаруживается что на самом деле *это только один сплошной кишлак, в котором в порядке мозаичной чересполосицы вкраплены указанные так называемые «кишлаки»*. Иначе говоря, произошло лишь административное обособление каких-то групп населения, совершенно независимо от их территориального взаимного расположения.

Вернитесь теперь к главе XI-ой и приложению 9-му, дающим некоторое представление о характере административного устройства казахского аула. Внешние признаки одни и те же, а равным образом и действующие силы: *и там, и здесь воздействие реально существующих родовых отношений*.

Таким образом, неизбежно приходится сделать следующий, весьма неутешительный, вывод: *естественный процесс социального развития казахского аула, порождающий торговый капитализм (с налетом черт и феодального порядка), всего менее позволяет игнорировать родовые отношения*. Наоборот, именно потому и следует вплотную приступить к практическому изучению последних, ибо только отсюда можно наметить действительные способы борьбы с басм, преодоление «далдало-аткамырской» глухой стены, отделяющей казахского бедняка и середняка от партии и советской власти и осуществления задач последних в ауле.

Нало только понять ту простую истину, что «признание» реальности существования и значения родовых моментов *отнюдь не означает необходимости пассивно поплыть по течению подчинения им и, тем более, их идеализирования и укрепления*. Именно отрицание этих моментов, самообманывание иллюзиями и привело нас к отрыву от реальной жизни и к неудачам попыток регулировать ее процессы, а отсюда и к естественной победе родовых отношений, аткамынера, бая и далдала.

XXI. Качество современной статистической продукции с точки зрения директив Пленума Крайкома ВКП (б).

2-й Пленум Крайкома ВКП (б) указал на необходимость:

„Сейчас же приступить к изысканию и определению путей организации советской власти в ауле.

Считая, что ответ на этот вопрос дает партия путем разрешения наиболее значительных проблем хозяйственно-политической жизни Казахстана, Пленум Крайкома указывает всем организациям на необходимость изучения этого вопроса и создания вокруг него общественного мнения парторганизаций. В частности, Пленум считает целесообразным создание в губерниях специальных комиссий для разработки этого вопроса.

В задачу комиссий должно входить изучение материалов прошедшей переборной кампании, тщательное обследование социальных отношений в ауле одной наиболее типичной волости в губернии, определение системы представительства и организации советов, проведение опыта переборов на новых началах и изучение этого опыта. Наряду с этим, Пленум поручает Бюро Крайкома проработать и разрешить вопрос о мобилизации красных работников для исследовательской работы в аулах в течение текущего года“.

И данная статья ставит своей целью оказать посильную помощь при осуществлении этой директивы. Давая предварительную ориентировку в сложнейшем переплете действующих в казахском ауле сил, я сознательно воздерживался от навязывания каких-либо имеющихся у меня соображений по части практических мероприятий партийно-совет-

ского строительства. Это дело будущего, а сейчас необходимо только одно—обеспечить действительный успех изучения казахского аула в той плоскости, на которую данный вопрос поставлен V-ой Всеказахской Партконференцией и 3-м Пленумом Казкрайкома ВКП (б).

Это значит—во всех исследованиях (кем-бы и в каком-бы порядке они не производились) метод их, программы, техническое оформление и разработка материала, аналитическое изучение последних и т. п., поставить с той же четкостью и гибкостью, какие впервые были намечены экспедицией т. *Джандиева*, а теперь неуклонно совершенствуются КазЦСУ.

Поскольку эта сторона деятельности последнего приобретает, таким образом, огромный общественный интерес, поделюсь основными моментами соответствующих программ и организационного плана обследований, предпринимаемых Казахстанскими органами государственной статистики.

Сперва несколько существенных предварительных замечаний. Совершенно своеобразная обстановка казахского аула требует, чтобы всякое, конечно, в том числе, и статистическое, изучение ее проводилось какими-то совершенно особыми приемами, специально приспособленными именно к данным условиям. Между тем вся история государственной статистики характеризуется тем, что все эти особенности в *практической* работе совершенно не учитывались.

При обследовании казахского аула в основном применялись буквально те же программы и организационные приемы, которые преподаются ЦСУ Союза для русских губерний. Поэтому, хотя наши шкафы и завалены огромнейшим количеством сырого материала, действительно научно-статистическая разработка его просто невозможна. Отсюда не то, что низкое качество статистической продукции, а повчас абсолютная негодность ее. Если даже при определении казахского населения расхождение между различными источниками доходит до миллионов, то уже совсем не приходится говорить о степени достоверности данных учета, скажем, посевов и, особенно, скота!

Между тем назначение государственной статистики отнюдь не замкнуто одним только арифметическим исчислением простых элементов хозяйства. Она обязана изучить организацию казахского сельского хозяйства *в целом, выявить и изучить взаимодействие всей совокупности явлений—природных, экономических, родовых и классовых, которая и дает существующую экономическую и социально-политическую обстановку аула*. Это обязана—но нужно ли говорить, что такого материала у КазЦСУ не было до сих пор и в помине?

С другой стороны, подобное качество работы характеризует не только государственную статистику, но и весь советский аппарат в целом. Поэтому может показаться, не стоило снова повторять общеизвестные истины. Однако, это не так. Если вообще «русификаторский» подход к аулу и объясняется, как правило, простой косностью, то положение с КазЦСУ несколько иное, т. е. зависит оно не столько от субъективных, как именно от объективных причин. Всецело беру на себя ответственность за подобное утверждение. Никакого «ведомственного» «патриотизма» здесь нет и не может быть уже по той простой причине, что в статистике я достаточно случайный человек. Пусть за себя скажут сами факты.

XXII. Причины неработоспособности в прошлом статистических организаций Казахстана.

Во всех работах КазЦСУ действительно имеется одна «ведомственная» тайна: казахский аул, собственно говоря, *систематически (в тече-*

ние уже шести лет) почти или совсем исключается из всяких обследований, хотя бы и по «русским» программам. Таким образом, единственная поддержка для его познания, это сплошная перепись 1920 года. Но качество ее материала вообще, не говоря уже о казахстанской части последнего, настолько общеизвестно, что упоминать о нем не стоит (даже в том случае, когда отбрасывается в сторону его полная устарелость). И происходит это по той простой причине, что КазЦСУ является «объединенным» учреждением, а ЦСУ Союза, сосредотачивающее все свое внимание на центральных русских губерниях, расценивает существование его разветвления в Казахстане (повидимому, и вообще на национальных «крайних») только как неизбежный, но весьма печальный факт.

Не будем говорить уже о последствиях, которые влечет размер заработной платы статработников, имеющих ставки, примерно, на 30% меньше даже по минимуму и, как то установил Совнарком КССР, на 60% ниже средних ставок по госучреждениям. Для нашей общественности самое интересное—это способ финансирования операционными средствами. Поддержка здесь только одна—опыт работы в русской губернии, имеющей население немногим меньше всего Казахстана, зато по территории равняющейся какому-нибудь двум-трем нашим волостям, состоящей из действительно «оседлых» поселков, связанных относительно дорожными дорогами и т. п. Таким образом, если по условиям работы там требуется (как то доказано опытом вполне удачных обследований) на одно хозяйство 15 копеек, то и Казахстану (с его тремя миллионами квадратных километров территории) средства даются, исходя из этой нормы.

В течение шести лет КазЦСУ отчаянно борется с ЦСУ СССР за создание самых элементарно-скромных размеров финансирования, которые хотя-бы приблизительно соответствовали условиям Казахстана. Ибо, когда для производства 10% выборочной переписи требуется по самым скромным расчетам 100.000 рублей, а намечается к отпуску каких-нибудь 8.500 руб. (история текущего года)—это значит вообще отказаться от постановки в Казахстане какой бы то ни было статистической работы. Правда, в результате больших споров, воздействия со стороны Совнаркома КССР и т. д.—отпускается «целых» 36.000 руб., в то время как перепись одной только русской части населения должна была-бы обойтись минимум в 32.000 руб.

Пусть это будет основано на «режиме экономии». Но одновременно ЦСУ СССР прекрасно учитывает, что статистическая работа в условиях Казахстана—удовольствие крайне дорогое. Тогда искивается такой выход, которому нельзя отказать в известном «остроумии». Дается указание, что предоставленная в распоряжение КазЦСУ сумма является окончательной, больше отпустить по финансовому состоянию ЦСУ СССР не представляется возможным, но необходимо, мол, создать экономию путем исключения из переписи.... «кочевых» районов. *Вот тут-то «собака и зарыта!*

В самом деле, что понимать под словом «кочевой» район? КазЦСУ учитывает, что дело совсем не в «кочевании», а в типе казахского населенного пункта, в характере распределения аулов-кстау (хотя-бы и «оседлых») по территории и т. д., и т. п., затем прикидывает на счетах время, потребное для объезда подлежащих переписи аулов-кстау и размер вытекающих отсюда расходов. В результате получается вывод, что из переписи выбрасывается казахское население *все полностью*, о чем и ставится в известность ЦСУ СССР. При этом соответствующим образом формулируется некоторое «неудобство» игнорировать в условиях советского строя *целую* национальность, и не только потому, что она составляет по-

крайней мере две трети автономной республики, но еще и потому, что это противоречит основным принципам национальной политики партии и Советской власти.

ЦСУ СССР при таком обвинении делает, фигурально выражаясь, наивно-наумленные глаза, горячо протестует и уверяет, что оно отнюдь не предлагало и не предлагает исключать из переписей все казахское население, что оно говорит о «кочевой» его части.

КазЦСУ вновь терпеливо разъясняет те элементарные вещи, которые являются темой настоящей статьи, и доказывает, что операционные средства отпускаются только на русскую часть населения, а на казаков ничего не остается. Тогда ЦСУ СССР, в дополнение к финансовой «аргументации», вытаскивает из архива полузабытые воспоминания той части своих специалистов, которая работала в пресловутом «Переселенческом Управлении», и доводами, основанными уже на «знании кочевого уклада» вновь доказывает, что «кочевников» обследовать никак нельзя, даже по соображениям «психологического» порядка—и так без конца. Пока же тянется эта, достаточно бесполовая, канитель, *казацкий аул, год за годом, остается вне статистического наблюдения.*

Такова обстановка работы казахской государственной статистики. Я уже не говорю о таких «мелочах», как об отношении ЦСУ СССР к попыткам КазЦСУ пойти дальше и, хотя-бы во исполнение постановлений V-ой Всеказацкой Партиконференции, более глубоко изучить жизнь аула, что было время запрещения производства экономической группировки казаков по скоту (и предлагалась группировка по посевам), что лично мне в феврале 26 г. один из ответственных руководителей ЦСУ СССР в ответ на мою попытку сослаться на партийную директиву, только пренебрежительно махнул рукой и отказался продолжать разговор и т. д. и т. п. Достаточно и приведенного факта—невозможности КазЦСУ производить переписи по казахскому аулу, чтобы вынести из «ведомственной» избы сор, и поставить наиболее важный вопрос перед партийным и советским общественным мнением Казахстана.

Дело в том, что никаких надежд на улучшение положения не осталось. Заключительным аккордом эпопеи текущего года пока-что явилось предложение ЦСУ СССР в представляемой на 26/27 бюджетный год смете не касаться вопросов зарплаты, содержания агентуры (т. е. организации сети добровольных корреспондентов) и переписей, ибо размер потребности мест в них будет исчислен *самим* ЦСУ СССР!

Таким образом, если в прошлые годы соблюдалась хотя-бы формальность—запрашивались заявки Казахстана (хотя с ними и не считались), то в отношении будущего года полный «прогресс»—ЦСУ СССР заблаговременно отказывается от самой попытки получить из бюджета РСФСР хоть сколько-нибудь необходимую Казахстану долю.

В результате намечается очень серьезная опасность. Если до сих пор государственная статистика и давала по аулу убийственно плохой материал (вернее, почти ничего не давала), то это все же не являлось тем основным злом, от которого страдало советское строительство—все равно аулу уделялось практически слишком малое внимание. Но сдвиг, произведенный в этом отношении партиконференцией и пленумом Казкрайкома ВКП (б), первым делом повлечет повышение и расширенные требования к статистическому материалу. А что сможет при таких условиях дать КазЦСУ?

Здесь надо учесть еще одно обстоятельство—неизбежность срыва предстоящей (возможно еще в 1927 году) всесоюзной сплошной переписи. Дело в том, что ЦСУ СССР в своих отказах, введенных в твердую систему, дает возможность начать теперь же изучение казахского аула,

основывается на том, что все задачи, связанные с последним, должны быть разрешены именно в процессе сплошной переписи. Подобный расчет по меньшей мере легкомысленен, ибо всякому должно быть понятно, что без предварительного осведомления о том, как расселено население (учет и географическое расположение аулов-кстау), куда и когда оно кочует, как сложились формы землепользования и т. д. и т. п. нечего и начинать столь грандиозное предприятие, которое обойдется в *полтора-два миллиона* рублей (без разработки). Ведь мы не можем *сейчас* построить хотя-бы достаточно реальную смету предполагаемых расходов, а не то, что практически приступить к такому делу!

XXIII. При каких условиях государственная статистика вплотную приступила к изучению казахского аула.

Учитывая все эти моменты, КазЦСУ встало перед дилеммой—либо *окончательно оторваться от жизни, омертветь* и превратиться в бесполезный придаток советского аппарата, либо пойти на «риск» нарушения всякой «ведомственной» и даже бюджетной дисциплины, но *выполнить свое назначение*. КазЦСУ пошло, конечно, на последнее. Прежде всего пришлось отбросить выполнение ряда таких заданий ЦСУ СССР, которые, быть может, и имеют большое значение в интересах самого детального изучения какой-нибудь русской губернии, но в современных условиях Казахстана решительно никакого интереса не представляют (а в большинстве случаев *прямо не выполнимы*). Зато основную часть своих сил и средств мы бросили на осуществление главной задачи—*ориентировку в социально-экономической обстановке казахского аула*. Главным образом и в отношении русской деревни изучается ряд специфических для Казахстана моментов. Весь период времени после V-ой партконференции был посвящен изучению основных принципов соответствующих программ и методов работы, при чем заключались они не столько в приспособлении к нашим условиям «московских» бланков, как именно в построении *совершенно новых*.

Прошедшее в конце апреля 1926 года краевое совещание заведующих Губстатбюро приняло все выдвинутое КазЦСУ положения. Затем в течение мая, группой работников последнего (*И. П. Крупилиным, С. А. Вахромовым, Ю. М. Ивановой, И. М. Городецким*, автором этих строк и отчасти *М. Н. Волковым*) была окончательно разработана программа и организационный план выборочной сельско-хозяйственной переписи текущего года. Последняя, помимо своего непосредственного значения—учета основных элементов хозяйства (населения, скота, посевов и т.п.), сочетается с таким *массовым особым* исследованием казахского аула и русской деревни, которое цало-бы известное разрешение проблем, стоящих в Казахстане перед партией и Советской властью.

Таким образом, выборочная перепись 1926 года является последней попыткой статучреждений Казахстана, не за страх, а за совесть, практически выполнить по своей линии директивы V-ой Партконференции и 2-го Пленума Казкрайкома ВКП (б). И не зная КазЦСУ, если программу и организационный план пришлось скомкать, если из собственно переписи выброшены целых десять уездов и Каракалинская Автономная Область, при чем, если по десяти из них будет производиться хотя-бы особое исследование, то Адаевский уезд и Кара-Калпакия остаются *совершенно без всего*. Слишком скромны оказались средства КазЦСУ в результате даже полного напряжения всех сил. Оценить их может хотя-б такое сравнение: КазЦСУ, производящее бюджетное обследование *трехсот* хозяйств, располагает *тремя тысячами двумястами* рублей. Профессор *Швецов* заключает в этом же году договор с Наркомземом КССР на

производство *двухсот пятидесяти* бюджетных описаний и исчисляет стоимость их в...., *тридцать или сорок тысяч рублей* (по некоторым сведениям их как будто даже не хватает).

И это в то время, как на всю грандиозную программу массового исследования казахского аула и русской деревни КазЦСУ имеет всего около 50.000 рублей, при чем сюда же входят расходы по организации нескольких специальных экспедиций (аналогичных исследованию тов. *Джандосова*), руководимых указанными выше работниками КазЦСУ.

XXIV. Программа исследований казахского аула на 1926 год.

Характер программ КазЦСУ по исследованию казахского аула *целиком вытекает из того анализа его, который был дан настоящей статьей*. Каждый, усвоивший этот материал к изучению казахского аула, сам без труда поймет, путем непосредственного ознакомления с формулярами, те принципы, на которых они построены.

Особого разъяснения требуют, собственно говоря, только *организационный план и методология исследования*. И лишь для того, чтобы последний вопрос стал яснее, коснемся вскользь и здесь программной части.

Всего мы имеем 14 формуляров.

Первым, в полном смысле этого слова, шагом в деле изучения казахского аула естественно должен быть:

1) *учет аулов-кстау* (по каждому административному аулу).

Проводится он по бланку № 1, образцом составления которого является приложение к настоящей статье 11-ое.

Отсюда вытекает необходимость:

2) *нанесения* их зимнего расположения на заранее заготовленные по данному району *схематические географические* карты возможно более крупного масштаба, на которых обозначаются и административные границы. Как выполнять эту работу, показывают приложения 9-е и 10-е.

Поскольку обследования будут производиться летом, когда известная часть скотоводов уключивается на «джайляу», изучение же последних имеет очень большое значение (ибо эта одна из решающих частей всей системы пастбищно-скотоводческого хозяйства), то на встреченных в процессе обследования «джайляу:

3) Составляется бланк № VIII *учета административных аулов, вкочевывающих на данное джайляу*.

4) И уже затем, по *каждому* вкочевывающему административному аулу, составляется *список* (форма № IX) составляющих его населенных пунктов—*аулов-джайляу*.

5) Само собою разумеется и расположение последних наносится на *схематическую географическую карту* в том же порядке, как и на призимовочное расположение аулов-кстау.

Изучение конкретных для данного района направлений родовой группировки населения проводится:

6) бланками *родословных таблиц* форма № X, доводимых сверху вниз до тех поколений, где они уже распадаются на аулы-кстау или аулы-джайляу (в зависимости от того, на какой территории мы ведем исследование).

Способ составления родословных таблиц указан в серии взаимно связанных приложений 12, 13 и 14-ом. Практически, таким образом, на этом бланке следует начинать с того поколения, которым кончается родословная таблица, данная в приложении 14-м, и потомство которого находится в обследуемом районе.....

Предположим, мы обследуем Чунгурскую волость Аулие-Атинского уезда. В ней живет родовая группа «Сыйкым». Ведем от него на бланке № X (см. приложение 13-е) вниз родословную таблицу до тех поколений, пока останется место, или будет удобно по техническим соображениям. Затем отмечаем, в состав каких административных единиц входит потомство каждого поколения, на котором мы остановились, берем чистые бланки и продолжаем на них родословные таблицы уже до аулов-кстау (или аулов-джайляу), как то указано в приложении 12-м.

Общие условия района выясняются:

7) *е порайонном бланке* (форма № VII) где более всего выпячиваются вопросы «кжугтов» и эпизоотий, т. е. те, которые имеют особенно существенное значение в условиях ведения казахского скотоводческого хозяйства,

8) *и отчасти в поволостном* (форма № XIII).

9) бланк по изучению питания (без №-ра имеет) специальное назначение—основное изучение вопросов *питания населения* в целях определения программ и сроков систематического производства, в дальнейшем, таких обследований.

Затем следует серия формуляров, имеющих целью основное изучение экономической, классовой и родовой природы как аула-кстау (аула-джайляу) в целом, так и каждого из составляющих его хозяйств в отдельности. *Первым делом* здесь составляется:

10) *родословная таблица* на бланке № XI, образцом которого служит приложение 6-ое.

Я уже достаточно подробно осветил, на основе решений Партконференции и Пленума Крайкома, значение учета родовых отношений. Остается несколько пояснить, какое значение—с точки зрения практического осуществления этого учета—имеет именно данный метод.

Родословная таблица, составляемая на аул-кстау по бланку форма № XI, прежде всего *отчетливо выявляет родовую структуру основной массы общегенития казахского населения*. Увязав же ее с материалом соотношения хозяйственной мощности составляющих его хозяйств (получаемой из «подохозяйственных карточек—бланк форма № III, карточек годового оборота скота, форма № IV и т. д.) и характером их экономических и бытовых взаимоотношений—мы получаем достаточно *ясную общую картину социально-экономической обстановки того основного центра сложнейшего переплетения родовых и классовых отношений, соответствующий подход к которому именно и решает проблемы партийно-государственного строительства в Казахстане*.

Основная особенность этого вопроса заключается в следующем. Если сравнить экономическую мощность различных родовых групп, особенно численность, то весьма часто оказывается, что они по подавляющему большинству их составляющих хозяйств—будут «богатыми» и «бедными». Таким образом, предпосылки родовых противоречий между ними в основном те же, что и у классовых. Однако это не меняет того положения, что родовые отношения нельзя упрощать и сводить к классовым, а отсюда применять к ним буквально те же методы воздействия, как и к классовым.

Аул-кстау является такой же родовой группой, правда гораздо более реальной в смысле закрепляющих ее моментов чисто экономического порядка. Поэтому и на противоречия между аулами-кстау, само собою разумеется, нельзя наклеивать ярлыка чисто классовых противоречий. Но то, что будет происходить *внутри* аула-кстау, принадлежит, в известной степени, к явлениям именно классового порядка. И не подлежит сомнению, что осуществление директивы 2-го Пленума Крайкома:

«Действительность подсказывает тот вывод, что при учете родовых отношений, давая возможность бедноте и середняку организовать *внутри рода*, строя органы Советской власти, обеспечивающие интересы бедноты и середняка *внутри рода* и в родовых взаимоотношениях, возможно парализовать родовую борьбу и роль баи в этом отношении»

должно быть начато *именно с аула-кстау*, именно с этой, наиболее жизненной и устойчивой, родовой группы.

Совокупность же родословных таблиц по бланкам форма № X оправдывает свое назначение именно *отсюда*. Ибо на основе данных о, хотя бы, земельных взаимоотношениях в самом широком смысле этого слова (т. е. кочевые пути, «джайляу» и т. п.), мы сможем *совершенно точно ориентироваться в конкретных для каждого района высших, по существу не имеющих никакого экономического содержания, родовых группировках, и познать их предпосылки*.

А это значит иметь возможность наметить такие приемы борьбы с этими вреднейшими и отжившими пережитками, которые решали бы вопрос не «вообще», не теоретически, а *совершенно по большевистски, т. е. применительно к конкретным особенностям именно данного района, именно данной родовой группы*.

В третьих, родословная таблица на аул-кстау (т. е. бланк форма № XI) разрешает вопрос о *наиболее совершенном в казахских условиях способе учета населения и хозяйства*, а также в получения относительно правильных сведений о половом составе и возрастной группировке населения. Насколько скверны эти сведения теперь, и насколько они вообще нужны—особого разъяснения не требует.

В четвертых, она же позволит подойти, в результате специальной разработки, к разрешению и такого существеннейшего вопроса—исчислить так называемый *коэффициент прироста казахского населения*. В самом деле—мы здесь имеем год образования семьи, кто и когда родился и умер, в отношении женщин—год выхода замуж—что же еще нужно для первого раза, особенно если учесть полный недостаток, негодность имеющегося ныне материала, а то и прямо его отсутствие?

После этих замечаний, вернемся опять к рассмотрению методов исследования аула-кстау. После родословной таблицы (на бланке форма № XI) составляется вытекающий из него.

11) На бланке форма № II *список хозяйства аула-кстау* (он же составляется и на аул джайляу), образцом заполнения которого является приложение 8-ое.

Затем мы переходим к составлению:

12) *«аул-кставного» бланка* (форма № VI), освещающего ряд серьезнейших для казахского аула вопросов: призывочные пастбища, пути кочевания и т. п.

13) Для южных губерний вводится дополнительный бланк (форма № XII) по предварительному изучению организации *искусственного орошения*;

14) *подохозяйственной карты* (форма № III), по которой выявляются основные элементы каждого хозяйства (состав семьи, скот, посевы и т. д.).

15) Бланка (форма № IV, изучающего *оборот скота за год*, т. е. всех тех изменений, которые произошли в стаде данного хозяйства и, наконец,

16) карточки (форма № V) *рыночного оборота*, выявляющей степень товарности хозяйства, форма товарообмена, характер связи с рынком и т. д., при чем эта карточка построена на учете конкретных особенностей социальной и бытовой обстановки аула.

Таким образом, мы имеем перед собой программу такого обследования и выборочной переписи, которая действительно может заложить *первый* камень в деле уже массового статистического изучения казакского аула. Но, конечно, одной программы недостаточно, ибо для своего осуществления она требует и совершенно особых методов и организационного плана обследования. По существу это *самая трудная* часть задачи и от степени правильности разрешения ее зависит, собственно говоря, успех всего обследования.

XXV. Что получается от применения к условиям казакского аула «русских» методов статистического исследования.

Существует два основных способа массовых статистико-экономических исследований. Один—*сплошная* перепись, т. е. описываются все без исключения хозяйства. Другой—*выборочная*, при которой описанию подлежат только известный процент (скажем пять или десять или двадцать) *механически* отбираемых хозяйств, а затем уже в результате соответствующих *исчислительных* операций получают данные о количестве скота, посевов и т. п. во всем районе. Как обычно производится, скажем, выборочная перепись?

Мы объезжаем возможно большее количество населенных пунктов (поселков), общее количество и географическое местонахождение которых определено, само собою разумеется, *заранее*. В каждом из обследуемых поселков составляется список хозяйств и по нему механически отбирается известная часть хозяйств (напр., при «десятипроцентке» каждое десятое), которые затем и описываются (путем собеседования с их главами) по той или иной программе.

Можно ли буквально такой же прием переписи применить и в отношении казакского аула? Конечно *нет*, ибо это было бы *полной организационной нелепостью*. Поясним это примером.

Переписывая русское население указанным выше порядком (в данных условиях совершенно правильным), мы заезжаем *действительно* в каждое село, т. е. подлинный населенный пункт. Будут ли здесь описываться сплошь все хозяйства, или только часть их, отобранная механически по составляемому списку—совершенно безразлично, ибо все они находятся в непосредственном соседстве, и Иванову дойти до поместья, где находится статистик, дальше, чем Сидорову, только на несколько десятков шагов. Но, представим себе, что получится, если статистик вздумает произвести перепись следующим способом: приехать в одно село, составить общий список хозяйств не только по нему, но и по нескольким десяткам окружающих сел (вместо того, чтобы объехать их), а затем наметить к обследованию, в порядке вызова, каждое десятое по этому списку хозяйство, совершенно не считаясь с тем, будет ли данный хозяин жить в этом же селе или, скажем, за сорок верст! Этакое «остроумное» статистика не только население, но и мы сами, несомненно, наделим неособенно лестным прозвищем и больше на перепись не пустим.

Между тем именно такое положение и создалось бы, если перепись казакского населения проводилась тем же «нормальным» для русского населения способом, и под «аулом» понимался бы *именно административный* аул, всюду (в том числе и при опубликовании материалов государственной статистики) поневоле считаемый «населенным пунктом», т. е. тем же «русским поселком». Что получается из такого представления при организации низового совета, я уже говорил. Опишу теперь последствия по линии деятельности государственной статистики, если бы она рискнула прибегнуть к такому «обычному» способу производства

переписей. Между прочим, это будет полезно знать и *Наркомфину*, производящему учет объектов обложения также по *всем* хозяйствам.

Мы бы разбили уезд на так называемые «переписные участки», каждый из которых состоит, скажем, из одной укрупненной волости. В последнюю посылается статистик, инструктированный соответствующим образом: заехать в каждый «населенный пункт», составить список хозяйств и т. д. В казакских же условиях это означает, естественно, заезд в каждый «административный» аул. Между тем последний состоит, скажем, из 30 аулов-кстау, раскинутых на территории верст в тридцать в ширину, да верст пятьдесят в длину. Тем не менее статистик оказался бы принужден остаться верным «обычным» правилам. И это неудивительно, когда средства на передвижения отпущены в таком размере, что их не хватает для объезда не то что всех аулов-кстау, а даже для посещения территории хотя бы всех «административных» аулов.

И практически пришлось бы охватить сразу несколько «административных аулов», а то и всю волость целиком.

Одним словом, статистик отыскивает какого-либо представителя местной администрации, обосновывается вместе с ним в ближайшем ауле-кстау, и уже сюда созываются хозяева всего «административного» аула. Что же получается в результате? Население, само собою разумеется, не придет и не придет за десятки верст. Как же быть? *На сцене появляются неизменные атка-мынеры*, каждый из которых и даст все необходимые сведения за любого члена своей родовой группы. Таким образом, нарушается основной принцип производства всякого статистического обследования—беседа непосредственно с теми лицами, на которые составляются известные формуляры. Не даром, ведь у нас получают такие невязки даже с учетом населения!

Ибо, если для русской деревни наиболее распространенным приемом укрытия от единого сел.-хоз. налога является *фиктивное дробление хозяйств*, то у казаков в основном имеется гораздо более усовершенствованный прием—*прямо не показывать целые хозяйства*. Я во время обследования аула имел, более чем достаточно, случаев сравнивать данные государственной статистики и Наркомфина с действительным положением. И, как правило, оказывалось следующее—почти по каждому аулу-кстау, совсем не показана часть хозяйств, при чем иногда процент укрытия доходил до 70%. Зато, скажем, списки налогоплательщиков по «административному» аулу в графе: «Подпись давшего сведения»—имеют только одну фамилию по всему списку с начала до конца! К этому, конечно, присоединяется и искусственное дробление тех хозяйств, давая сведения о существовании которых атка-мынеры все же считают нужным. Однако, этот момент все же является второстепенным: в самом деле—разве не проще в такой обстановке прямо уменьшить в своих показаниях количество имеющегося скота и т. п.?

Таким образом, в наших условиях метод механического отбора самих хозяйств как объектов статистического описания *исключается*. Остается другой способ отбора, оправдываемый статистической теорией и широко используемый государственной статистикой в районах мелких населенных пунктов (напр. на всем западе и севере Союза), а именно—отбор не хозяйств, а *целых населенных пунктов*.

Здесь также действует принцип механического отбора, в наибольшей степени обеспечивающий как равномерность охвата исследованием всей территории, так и равномерность представительства отдельных типов хозяйства. В избранных заранее населенных пунктах переписи подвергаются уже *сплошь* все 100% хозяйств, которые в общей сложности для всего исследуемого района должны дать тот процент хозяйств, описание

которых предусмотрено организационным планом переписи. Этот последний способ базируется на сочетании двух методов: гнездового—с одной стороны и механического отбора хозяйств—с другой.

Государственная статистика Казакстана в своих предыдущих исследованиях казакского населения применяла именно этот способ, но ее исследования скорее должны быть отнесены к категории *гнездовых в чистом виде* и со всеми вытекающими отсюда *крупными отрицательными последствиями*. Именно для исследования брались одна-две казакские волости на весь уезд, при чем в них описывались все 100% хозяйств.

Совершенно очевидно, что если «гнездовка» с равномерным охватом всей территории гарантирует нам в достаточной мере правильность обобщений, этого нельзя сказать про гнездовку, применявшуюся Каз. Ц. С. У. Это было осознано и самим Каз. ЦСУ, и оно, совершенно не будучи в состоянии по соображениям опять-таки финансового порядка, ставить работы так, чтобы покрывать исследованием всю территорию *вынуждено было совсем отказаться от исследований казакского населения*.

Но даже и столь решительный способ выхода из положения вопроса все же не решает, ибо отвергнуться от сплошной переписи все же нельзя. А как быть во время последней?

XXVI. Организационный план и методы исследования аула, принятые государственной статистикой Казакстана.

И отныне Казакские организации государственной статистики решительно стали на путь применения следующего организационного принципа: *обследования казакского населения производить путем обязательного заезда в каждый подлежащий описанию аул-кстау (или аул-джайляу), т. е. населенный пункт, при чем обследованию подвергаются все без исключения составляющие последний хозяйства*. Никаких «заочных» переписей больше не будет!

Таким образом, при сплошной переписи посещаются непосредственным образом *все без исключения аулы-кстау и аулы-джайляу*. При выборочной переписи—отбираются не просто хозяйства, а *известное число аулов-кстау, обследуемых полностью*, при чем берутся они, во первых, в пределах каждого «административного» аула, во вторых, с таким расчетом, чтобы находились не рядом, а относительно равномерно были бы распределены на территории «административного» аула и, наконец, чтобы они были типичными для данного района.

Перейдем теперь к описанию в основных чертах методов сельскохозяйственной выборочной переписи и дополнительного к ней исследования, производимых органами государственной статистики летом текущего 1926 года по казакскому населению.

Осведомление об этом партийной и советской общественности тем более необходимо, что оно весьма облегчит осуществление директив 2-го Пленума Крайкома ВКП (б) и V-ой партконференции об абсолютной необходимости теперь же приступить к изучению методов подхода к аулу. Изыскать последние можно только путем общих и специального назначения обследований, опыта же в этом отношении пока почти ни у кого нет.

Для наглядности представим себе, что мы беремся за статистическое обследование одной волости, и проследим последовательность развертывания работы.

Прежде всего необходимо иметь на руках ее *географическую карту* возможно более крупного масштаба, желательно не менее двухверстки

(в одном английском дюйме). За особой точностью можно не гнаться, и для тех районов, где вообще отсутствует подобный картографический материал, вполне достаточно ограничиться увеличенными, с помощью плантографа, копиями десяти—или сорокаверстки.

1.

Приезжаем в волостной центр. В том случае, когда такового нет, разыскиваем аул-кстау, где проживает председатель волосткома. Здесь первым делом заполняем «волостной бланк» (форма № XIII) и организуем *собеседование* с имеющимися налицо представителями волостной администрации и специально приглашенными через посредство последних гражданами. Последние будут, само собой разумеется, атка-мынеры, представители основных, населяющих волость, родовых групп. Тема собеседования—ознакомление с задачами и целями обследования. Здесь должны быть в первую очередь использованы (их необходимо взять с собой) резолюции V-ой партконференции и 2-го пленума Казкрайкома ВКП (б) в части, касающейся казакского аула. Затем вопросы «Порайонного» (форма № VII) и «Аул-кставного» (форма № VI) бланков, относящиеся к наиболее важным для населения явлениям («джуты», эпизоотии, характеристика приимовочных и летних пастбищ, пути кочевания и т. п.).

Уже сам факт осведомленности исследователя в существовании таких моментов и, тем более, проявленное им желание получить возможно полное освещение последних—создадут столь необходимую для успеха исследования атмосферу доверия и заинтересованности со стороны населения. Необходимо только теперь же нащупать *наиболее большие вопросы данного именно района* и иметь их в дальнейшем про запас, самым широким образом используя до всех случаев необходимости агитационного воздействия на население.

2.

Ориентировавшись, таким образом, в общей обстановке, снимаем на чистом листе бумаги самым грубым образом и на глаз *копию имеющейся карты* (чтобы пока не пачкать последнюю) и на основании данных соответствующего опроса *приблизительно наносим на нее границы* как современных административных аулов, так и волостей и административных аулов, существовавших до укрупнения, при этом выясняя и записывая здесь же, какие родовые группы входят в состав каждой из этих административных единиц. *Особенно тщательно отмечаем все случаи административной черезполосицы*. Одновременно, в порядке того же опроса, выясняется примерный, наиболее удобный маршрут для объезда всех современных административных аулов (эта черновая схематическая копия карты должна быть *сохранена* и представлена по назначению со всеми прочими материалами).

3.

Затем приступаем к *выявлению родовой группировки населения*. На бланке форма № X составляется (*сверху вниз*) родословная таблица, начиная от того поколения, на котором кончается 14-ое приложение к настоящей статье. Таким образом, если, предположим, в волости проживают „Конрад“, начинаем с него и доводим до тех пор, пока не дойдет до того поколения, на котором уже можно разбить их по административным аулам (образец см. в приложении 13-ом).

Если оказывается, что в волости проживают представители нескольких основных родовых групп, напр. „Аргын“, „Найман“ и „Джаплас“, то на каждую из них, в том же порядке, составляется отдельный бланк форма № X.

Получить эти сведения будет более чем легко, настолько велика осведомленность в этом отношении каждого казака. И помимо непосредственного назначения—возможности разобраться в конкретных родо-вых группировках данной волости, эта работа создает еще большую заинтересованность населения. Для того, чтобы собравшиеся лучше поняли, что именно от них мы хотим, демонстрируем приложения 6, 12, 13, и 14-е.

4.

По окончании этой предварительной работы, приступаем уже к самому обследованию. Выезжаем совместно с кем-либо из представителей волостной администрации в направлении избранного маршрута и останавливаемся в каком-либо ближайшем ауле-кстау.

Приглашаем сюда председателей аулсоветов как того „административного“ аула, в состав которого входит данный аул-кстау, так, по возможности, и нескольких соседних „административных“ аулов. С ними должны быть граждане, хорошо знающие (это конечно будут старики—атка-мынеры) свои „административные аулы“.

Теперь надо приступить к наиболее ответственной части работы а именно к учету аулов-кстау. Население последние, само собой разумеется, знает очень хорошо, но главная беда в том, что оно привыкло оперировать не этими первичными родовыми группами, а гораздо более высокими, объединяющими целые десятки аулов-кстау. Следовательно, надо только как следует объяснить, что именно нам нужно. Поступаем следующим образом. Показываем и объясняем приложения к настоящей статье (1, 2, 3, 4, 7 и 10-ое), наглядно демонстрирующие внешний вид и расположение аулов-кстау, все время при этом указывая на тот аул-кстау, в котором в данный момент находимся.

Затем, мы показываем приложение 6-ое и объясняем, что означает помещенная там родословная таблица.

Для еще большей наглядности берем бланк форма № XI и составляем путем опроса на нем родословную таблицу того аула-кстау, в котором находимся. Наконец показываем, во-первых, приложение 12-ое т. е. родословную таблицу, доведенную до аулов-кстау, во вторых приложение 11-ое, т. е. образец списка аулов-кстау соответствующих этой родословной таблице и, в третьих, приложение 10-ое, т. е. географическую карту расположения этих аулов-кстау. При этом объясняем проведенный во всех данных трех приложениях принцип увязки одного и того же материала, т. е. аулов-кстау, составляющих один административный аул.

Всего этого более чем достаточно, чтобы население превосходно поняло, что, собственно говоря, нам требуется, и, в частности, откуда именно берутся требуемые нами названия аулов-кстау (по умершим предкам).

Должен отметить, что решительно ничего трудного учет аулов-кстау не представляет. У меня во время экспедиции по Аулие-Атинскому уезду аульные казаки совершенно свободно выполнили эту работу по обследованным десяти волостям. В ноябре-декабре 1925 года двое простых сотрудников КазЦСУ (Калдыбаев и Гафуров) без всякого труда провели учет аулов-кстау и составление родословных таблиц по всему Кызыл-Ордынскому уезду. Самое важное здесь: как следует объяснить населению, что мы хотим выяснить, при чем придется проделать это только в самом начале обследования. Затем по волости моментально разнесется „узун-кулак“ и впоследствии мы встретимся с полной осведомленностью о задачах нашего исследования.

Теперь мы уже с полной уверенностью приступаем к самой работе. Первым делом берем бланк форма № X и разворачиваем на нем родословную таблицу, начиная восточной ветви с того предка, на котором объединяется население всего административного аула, а кто это будет, показывает предварительная родословная, составленная еще в волостном центре и доведенная до административных аулов (см. выше, раздел 3-й). Кончаем ее теми поколениями, на которых население уже разделяется на аулы-кстау. Образцом выполнения этой работы является приложение 12-ое.

Одновременно с этим возможно более точно наносим на нашу географическую карту границы обследуемых в данный момент «административных» аулов, как их определяет само население (они обычно тесно связаны с вопросами землепользования и поэтому имеют весьма реальный характер).

При этом выясняем местонахождение каждого аула-кстау и наносим его кружком на карту (надо отметить, что казаки превосходно разбираются в последних), отмечая там одновременно, если такое существует, и название местности. Образцом являются приложения 9 и 10-ое.

Тут же, одновременно и постепенно, заполняется бланк форма № I, представляющий список аулов-кстау на каждый «административный» аул.

Если окажется, что в составе последнего находится две и более родовых группы, например одна от «Аргына» другая от «Джалаира», то тогда на каждую из них надо завести отдельный бланк форма № X, но список учета аулов-кстау (бланк форма № I) ведется только на одном бланке в такой, скажем, последовательности: сперва на «Аргын» а потом на «Джалаир» и т. д.

После окончания этой работы намечается, какие именно аулы-кстау еще—кроме того, где мы сейчас еще находимся,—подлежат исследованию.

Что именно определено в этом отношении КазЦСУ для себя на этот год, особого интереса не представляет, ибо тут господствовали совершенно случайные моменты: крайний недостаток финансовых средств. Интересующихся отсылаем к соответствующей инструкции, здесь же только вновь упомянем про основной принцип отбора: подвергаться исследованию должны действительно типичные, в смысле как своего размера, так и прочих признаков (направление хозяйства и т. п.) аулы-кстау, причем они должны быть достаточно равномерно распределены по территории «административного» аула или волости.

6.

Затем приступаем к исследованию самого аула-кстау. На него, как то мы указали, уже составлена по бланку форма № XI родословная таблица. Обследование аула-кстау вообще всегда следует начинать именно с нее, ибо она имеет, как мы указали в главе XXIV, чрезвычайно важное значение в смысле подхода к населению.

7.

Затем на основании материала этой родословной таблицы и некоторых дополнительных вопросов составляется список хозяйств аула-кстау (бланк форма № II).

8.

После этого следует составление общего аул-кстауного бланка форма № VI. Цели, характер и важность постановленных в нем вопросов настолько ясны, что никаких особых пояснений не требуют.

9.

В конечном итоге составляются:

- карты похозяйственного опроса (бланк форма № III)
- карточки оборота скота за год (бланк форма № IV)
- карточки рыночного оборота (бланк форма № V).

10.

Что касается

«Порайонного бланка» (форма № VIII),

«Бланка по изучению условий питания» (форма без №-ра),

то в принципе их следует составлять в самом конце исследования района, когда у нас уже имеется достаточно полный и отчетливый материал *собственного познания* последнего, и можно в необходимой степени критически отнестись к отдельным показаниям населения. Тем не менее опрос по ним следует производить непрерывно, в процессе всего исследования, ибо только таким путем мы сможем накопить необходимый опыт, на основе которого и соберем действительно серьезные и ценные сведения (ответы, полученные в процессе предварительных опросов, записываются на листах чистой бумаги и, конечно, сохраняются).

11.

Что касается обследования «джайлау», т. е. летовочных территорий так называемого *общаго пользования*, то исследование каждой обособленной их территории производится буквально таким же порядком, как и в отношении призимовочных территорий, о которых мы только что говорили. Разница только та, что здесь *дополнительно* составляется список учета *включивающихся сюда административных аулов* (бланк форма № VIII), а учет аулов-джайлау ведется, хотя также в пределах каждого административного аула, но зато по особому бланку (форма № IX).

XXVII. Заключение.

На этом кончаю, хотя само собой разумеется, тема ни в какой степени не исчерпана. Однако думаю, что и настоящее содержание статьи в основном отвечает назначению: во первых дать *конкретный фактический материал* в обоснование постановлений V-ой партконференции и Пленума Крайкома, имеющих столь огромное значение, что очень и очень многие товарищи, либо не могут их понять, либо просто не знают, с чего начинать их практическое осуществление. Во вторых, несколько рассеять ту атмосферу недоверия, враждебности и просто недомыслия, которая сгустилась вокруг казахстанской государственной статистики.

Последняя выполнила не только то, что могла, но даже и то, что, собственно говоря, превосходило ее физические силы.

Зато это прекрасная иллюстрация, как нужно и можно осуществлять партийные директивы, даже находясь в таких объективных условиях, когда по существу имешь «право» абсолютно ничего не делать и только мыть на тему о полном финансовом банкротстве. Ведь достаточно по документам восстановить хронологию развертывания работ КазЦСУ, чтобы убедиться, что последнее вплотную приступило к изучению казахского аула еще в сентябре-октябре 1925 года, когда положение его определялось заработной платой, пострашенной на.... четырех с половиной для первого разряда, полным отсутствием хоть каких-нибудь операционных средств, когда на работу по изучению аула приходилось использовать чуть ли не кредиты на почтово-телеграфные нужды или личные средства (было и это!) и т. д. и т. п.

Тем не менее КазЦСУ не говорит о достижениях. Оно только предлагает партийной и советской общественности свой «ведомственный» отчет о постановке изучения казахского аула, при чем указывает, что *само оно совершенно не удовлетворено его состоянием*. Это только *первые робкие шаги*, между тем налицо несравненно большие потенциальные возможности.

Прежде всего, КазЦСУ имеет в своем составе ядро достаточно квалифицированных и научно-подготовленных работников, которые проводят в этом году ряд специальных экспедиций по программам, в основе соответствующим указанным выше, но гораздо более углубленным и расширенным. Они же будут производить разработку собранного по всему Казахстану материала исследования казахского аула.

Но дело все же не в этом. Основное и действительно заслуживающее внимания достижение КазЦСУ заключается в том, что оно *ставку делает не на личности, а на свой аппарат*, сверху до-низу, в целом (это значит—503 штатных единицы). И если сейчас еще нельзя, конечно, сказать, насколько абсолютно высока будет ценность всего материала, привезенного из аула теми 150-200 наших работников, которые будут производить перепись и исследование в текущем году—то не подлежит никакому сомнению, что вернутся они оттуда с огромнейшим практическим опытом и умением ориентироваться в сложнейшей обстановке казахского аула.

И в заключение КазЦСУ, обращаясь к партийной и советской общественности, повторяет тоже самое—просьбу *морально* (прежде всего в отношении несомненно еще предстоящих ведомственных недоразумений с ЦСУ СССР) и *материально* поддержать его аппарат. Последнее сводится к созданию не каких-либо исключительных финансовых условий—нет, только к подтягиванию его положения к средним нормам прочих государственных учреждений Казахстана.

В первую голову это касается *Казахстанского Наркомзема*, о спаче которым с «подрыда» на сторону производства статистико-экономических обследований я уже говорил. Насколько это дает лучший материал, чем то можно было ожидать от КазЦСУ, судить, конечно, не могу, хотя достаточно характерным является, например, то обстоятельство, что сам Наркомзем до сих пор *не знает* ни программ, ни организационных планов этих обследований. И если для него данный в настоящей статье материал не является настолько убедительным, что он уже сейчас изменит свою точку зрения на постановку работы казахстанской государственной статистики, то приведу последний и, надо полагать, решающий по настоящему времени аргумент—работы КазЦСУ обходятся *в десять, а то в пятнадцать раз дешевле*, чем стоит приглашение со стороны «варягов».

В. Соколовский.

8/VI-26 года г. Кызыл-Орда

О Г Л А В Л Е Н И Е:

Глава		Стр
I	Об одной «загадке» казахского аула	1
II	«Административный» аул не является «населенным» пунктом	2
III	Основные типы казахских населенных пунктов	3
IV	Почему неправильно разделение казаков на «кочевых» и «оседлых»	4
V	«Аул-кстау» и «аул-джайлау»	5
VI	Сходство и отличие казахского аула-кстау от русского поселка	6
VII	Аул-кстау является первичной, самой мелкой, родовой группой	8
VIII	Что вообще называется родом и как исторически создается последний	10
IX	Что такое «жерме»	12
X	Об одной «оптимистической» иллюзии	15
XI	Об одной особенности административного устройства казахского аула	17
XII	О некоторых директивах V-ой партконференции и 2-го Пленума Крайкома ВКП (б)	18
XIII	Основные причины жизниности родовых отношений	19
XIV	Происхождение «родовой администрации»	21
XV	Уголовное скотокрадство и «барымта»	21
XVI	Низовой советский аппарат	23
XVII	Анти-общественная роль атка-мынеров	24
XVIII	Классовые моменты в казахском ауле	26
XIX	«Д а л д а л а»	28
XX	«Патриархальный» бай и бай «капиталистического» типа	30
XXI	Качество современной статистической продукции с точки зрения директив пленума Крайкома ВКП (б)	34
XXII	Причины неработоспособности в прошлом статистических организаций Казахстана	35
XXIII	При каких условиях государственная статистика вплотную приступила к изучению казахского аула	38
XXIV	Программа исследований казахского аула на 1926 год	39
XXV	Что получается от применения к условиям казахского аула «русских» методов статистического исследования	42
XXVI	Организационный план и методы исследования аула, принятые государственной статистикой Казахстана	44
XXVII	З а к л о ч е н и е	48

Список приложений

(отпечатанных на „стеклографе“ КазЦСУ).

1. Перспективная схематическая карта „административного“ аула.
2. Перспективный схематический план расположения „усадеб“ одного аула-кстау зимой.
3. Перспективный схематический план расположения хозяйств того же аула-кстау весной.
4. Фотографические снимки трех скотоводческих аулов—двух аулов-кстау зимой и одного аула-джайлау летом.
5. Схематический план усадебных участков аула-кстау.
6. Родословная таблица, увязывающая население того же аула-кстау.
7. Совмещение перспективного схематического плана того же аула-кстау с его родословной таблицей.
8. Список хозяйств того же аула-кстау.
9. Схематическая географическая карта пяти-верстного масштаба „административных“ аулов и аулов-кстау одной укрупненной волости.
10. Схематическая географическая карта двух-верстного масштаба двух „административных“ аулов.
11. Список учета аулов-кстау по этим „административным“ аулам.
12. Доведенная до аулов-кстау родословная таблица на родовую группу, образующую эти „административные“ аулы.
13. Вспомогательная родословная таблица.
14. Родословная таблица, увязывающая в родовом отношении всех казаков.
15. Родословная таблица на родовую группу, перешедшую на поселковую оседлость.
16. Совмещение схематического плана этого поселка (кишлака) с родословной таблицей, увязывающей его население.
17. Схематический план взаимного расположения трех узбекских „населенных пунктов“ (кишлаков).